
A 238/575

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНАГО ВОСТОКА.

I. Евхаристическій конгрессъ римскихъ католиковъ въ Іерусалимѣ.

Въ прошедшемъ 1893 году мы уже обращали вниманіе читателей „Богословскаго Вѣстника“ на нѣкоторыя стороны жизни православнаго востока въ виду доклада митрополита Аѳинскаго Германа депутатамъ 13-го періода Парламента греческаго королевства [1]). Но тогда мы коснулись только одной части многомилліоннаго населенія православнаго востока (и только одной части пространства, занимаемаго этимъ населеніемъ), именно свободной Греціи. А между тѣмъ на обширныхъ пространствахъ Турецкой имперіи обитаетъ еще громадное число православныхъ христіанъ, доселѣ не пользующихся политическою свободою. На этихъ пространствахъ раскинулись цѣлыхъ четыре патріархата православной восточной церкви: Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій. Изъ нихъ Іерусалимскій, хотя по теперешнему значенію числится и на послѣднемъ мѣстѣ, однако есть древнѣйшій изъ всѣхъ по времени основанія въ немъ церкви. Іерусалимъ есть священный центръ, изъ котораго впервые возсіялъ міру свѣтъ истины Христовой. На этомъ-то центрѣ, ближе всего, мы теперь и остановимъ свое вниманіе, начавъ рѣчь о немъ сообщеніемъ о бывшемъ тамъ въ маѣ прошедшаго 1893 г. евхаристическомъ конгрессѣ римскихъ католиковъ.

Состоявшійся въ истекшемъ году въ Іерусалимѣ такъ называемый евхаристическій конгрессъ римскихъ католиковъ, и по намѣренію учредителей его и отчасти въ дѣйствительности, долженствовалъ быть и былъ событіемъ,

[1]) См. „Богосл Вѣстникъ“ 1893 г. №№ 7 и 8.

значеніе котораго было весьма велико во многихъ и различныхъ отношеніяхъ [1]).

Уже давно папство питаетъ вожделѣнную для него мысль — подчинить своему господству православную восточную церковь, не довольствуясь двумя сотнями милліоновъ душъ римскихъ католиковъ, безусловно ввѣрившихся его водительству. Эту мысль папство начало питать съ самаго времени окончательнаго раздѣленія церквей на восточную и западную и со времени развитія и утвержденія идеи всемірнаго господства папскаго престола, въ средніе вѣка. Но тогда папство, гордое абсолютизмомъ своего господства на западѣ и въ самоупоеніи завоеванною имъ свѣтскою властію, смотрѣло на ослабленный и постоянно раздираемый политическими смутами православный востокъ съ пренебреженіемъ и религіозною нетерпимостію, какъ смотрѣло не только на схизматиковъ вообще, но и на язычниковъ, а не взирало на православныхъ восточныхъ христіанъ какъ на братій по вѣрѣ, нуждающихся, съ точки зрѣнія папства, въ приведеніи подъ кровъ римскаго патріаршаго престола. Со времени же отпаденія значительной части собственныхъ чадъ римско-католической церкви въ протестантство и его секты, папство, если позволено будетъ такъ выразиться, поубавило своей спѣси и стало относиться къ православной восточной церкви нѣсколько внимательнѣе. Папство начало стремиться къ привлеченію чадъ православной восточной церкви въ свое лоно способами болѣе тихими и мирными, нежели грозными и воинственными, болѣе путемъ разнаго рода соглашеній, убѣжденій и компромиссовъ, нежели силою прещеній, угрозъ и оружія. Вмѣсто крестовыхъ походовъ, со всѣми ихъ воинскими жестокостями, начали быть созываемы соборы; вмѣсто насильственныхъ мѣръ стала быть употребляема въ дѣло дипломатическая тонкость. Такъ называемая унія (unio — единеніе) избрана и признана какъ наилучшее средство къ постепенному совращенію православныхъ въ римскій

---

[1]) Объ этомъ событіи и въ иностранной и въ русской періодической печати много было писано. См. напр. изъ иностранныхъ повременныхъ изданій „La Terra Santa 1893 № 9; La Terre Sainte“ 1893 № 6 и др., „*Παλιγγενεσία*“ 1893 №№ 8779, 8814 и 8815 и др., изъ русскихъ „Сообщенія Правосл. Палестин. Общества“ 1893 г. іюнь, октябрь и декабрь; издав. при Св. Синодѣ „Церковныя Вѣдомости“ 1893 г. №№ 18 и 27 и др.

католицизмъ. Мы, русскіе, по историческому опыту своихъ западныхъ областей, знаемъ силу и дѣйственность этого средства:—знаемъ, какъ, обѣщая православнымъ оставить неприкосновеннымъ все, дорогое для нихъ въ религіозно-бытовомъ отношеніи изъ наслѣдія предковъ, подъ условіемъ лишь признанія главенства папы, римскій католицизмъ, мало по малу, искореняя все православное и вводя, вмѣсто искореняемаго, свое, латинское, въ концѣ концовъ дѣлалъ уніатовъ истыми римскими католиками. Такъ же точно Римъ поступалъ и съ другими, по его выраженію, схизматиками изъ славянскихъ (галичане въ Австріи, болгары въ новѣйшее время и др.) и иныхъ, даже не исключая и греческихъ, племенъ, хотя греческія народности всегда, съ самаго времени раздѣленія церквей, питали какое-то инстинктивное отвращеніе къ латинству. Въ нынѣшнемъ столѣтіи судьбы папства измѣнились еще болѣе по сравненію съ временами отпаденія отъ него протестантовъ. Свѣтская власть папы уже французскою революціею и оружіемъ Наполеона I была потрясена, а въ послѣднее время, съ возвышеніемъ Италіанскаго королевства, и вовсе упразднена фактически. Но это не значитъ, чтобы и само папство въ принципѣ признало это упраздненіе правильнымъ и чтобы оно вообще отказалось отъ воспитанныхъ и утвердившихся вѣками своихъ вожделѣній и притязаній. Напротивъ, провозглашенный на Ватиканскомъ соборѣ 1870 года догматъ непогрѣшимости папы ясно доказалъ живучесть коренной идеи папства и прогрессивное развитіе и укрѣпленіе этой идеи въ римскомъ католицизмѣ. Отнынѣ слово папы, и прежде имѣвшее непререкаемый авторитетъ для вѣрныхъ послѣдователей римскаго католицизма, облекается такимъ достоинствомъ правды, какое приличествуетъ только слову Божественному. При всемъ томъ это же самое торжество идеи папства послужило началомъ новаго отпаденія многихъ чадъ въ средѣ церкви римско-католической. Значительное число ихъ, подъ именемъ старо-католиковъ, не признало догмата непогрѣшимости и отшатнувшись отъ признавшей его римско-католической іерархіи, тѣмъ самымъ, по римско-католическимъ понятіямъ, выступило и изъ ограды римско-католической церкви. Это уже само по себѣ было непріятнымъ для папства явленіемъ, особенно въ виду того, что теперь уже не имѣли

такого громоваго значенія буллы папы, какое онѣ имѣли въ средніе вѣка. Еще болѣе непріятнымъ для папства это явленіе было потому, что старокатолики на первыхъ же порахъ обнаружили стремленіе къ сближенію съ православнымъ востокомъ. Боннская конференція и послѣдующіе конгрессы старокатоликовъ показали папству, что это стремленіе имѣетъ подъ собой и практическую почву. Тогда папство, и особенно въ лицѣ нынѣшняго папы Льва XIII, опять оживило свою энергію по употребленію въ дѣло давно испытаннаго средства,—уніи, видоизмѣнивъ лишь, сообразно съ обстоятельствами времени, его форму. Вмѣсто прежнихъ соборовъ (Ферраро-Флорентійскій, Брестскій) теперь вступаетъ въ дѣло модная форма конгресса, съ его докладами, рѣчами, разсужденіями, ученолитературнымъ отдѣломъ и т. д.

Еще на Ватиканскомъ соборѣ 1870 года замѣчено было неудовольствіе уніатовъ на то, что ультрамонтанская партія римскаго католицизма относится къ нимъ не только съ пренебреженіемъ, но и съ явнымъ притязаніемъ на лишеніе ихъ религіозной автономіи, на уничтоженіе ихъ обрядовыхъ привиллегій,—и преемникъ Пія IX нынѣшній папа Левъ XIII рѣшилъ измѣнить тактику. Съ первыхъ же лѣтъ своего управленія папскимъ престоломъ онъ сталъ обнаруживать величайшую предупредительность, внимательность и любезность ко всѣмъ уніатамъ, какъ и вообще къ восточнымъ христіанамъ, дѣлать имъ необычайныя для прежнихъ временъ уступки. Такъ еще въ 1880 году онъ возвелъ въ званіе кардинала армянскаго патріарха Гассуна, чего не бывало въ теченіе 400 лѣтъ дотолѣ, и въ томъ же году издалъ знаменитую энциклику (Grande munus), которая вѣчному городу Риму и всему міру (urbi et orbi) возвѣщала о томъ, что праздникъ святыхъ Меѳодія и Кирилла, первоучителей славянскихъ, долженъ отнынѣ праздноваться въ цѣлой (римско-католической) церкви ежегодно 5-го іюля. Чрезъ это чествованіе имѣлось въ виду привлечь на сторону Рима симпатіи славянъ не только изъ уніатовъ, но и изъ остающихся еще внѣ ограды церкви римско-католической. И другими способами и средствами, безъ особенно строгаго, съ нравственной точки зрѣнія, разбора ихъ, по іезуитскому обычаю, пользовался Римъ для такого привлеченія,—и мы по злосчастной Болгаріи знаемъ, на сколько успѣшна была

дѣятельность его въ этомъ направленіи. Между прочимъ и въ тоже время папа допустилъ весьма важную уступку въ области традиціонной политики латинства, — различіе литургическихъ языковъ, дозволивъ употреблять славянскій языкъ въ богослуженіи. Этимъ и освящено было начало такъ называемыхъ евхаристическихъ конгрессовъ, имѣвшихъ своею цѣлію осуществленіе уніонистскихъ стремленій папства. Такихъ конгрессовъ за послѣднія 12—15 лѣтъ было нѣсколько, и происходили они во Франціи, Швейцаріи и Белгіи. Но для папы и его стремленій, вожделѣній мало было ограничиваться въ этомъ отношеніи предѣлами запада. На западѣ же эти конгрессы мало были и замѣтны, какъ слишкомъ заурядное въ послѣднюю пору явленіе. Планы папы были шире. Его желаніемъ было увлечь и востокъ въ область этихъ стремленій, привлечь къ подножію своего престола и разноплеменныхъ схизматиковъ, т. е. православныхъ христіанъ востока. Съ того времени, какъ потерялъ онъ свѣтскую власть въ Римѣ, его взоры какъ бы невольно обратились отъ западнаго вѣчнаго города—Рима къ восточному вѣчному же городу — Іерусалиму. Руководясь такими мыслями и вожделѣніями, папа Левъ XIII съ радостію принялъ внушенное монахами Августинскаго ордена предложеніе епископа Люттихскаго (по франц. Liège) Дутрелу— собрать евхаристическій конгрессъ въ Іерусалимѣ. Предложеніе было сдѣлано въ апрѣлѣ 1892 года, а отъ 3 мая того же года послѣдовало Breve папы Льва XIII, коимъ онъ, одобривъ это предложеніе, между прочимъ писалъ въ немъ: „мы убѣждены, что всѣ тѣ, которые по этому случаю отправятся въ святую землю, прежде всего будутъ просить Бога, чтобы народы этихъ странъ, хотя отдѣленные отъ насъ, однако носящіе имя христіанъ, опять соединились съ нами въ полнотѣ одной вѣры". Такимъ образомъ уже на первыхъ порахъ стало очевидно, что предположенный въ Іерусалимѣ евхаристическій конгрессъ, съ одной стороны, долженствовалъ быть своего рода крестовымъ походомъ, а съ другой, — прямо преслѣдовалъ уніонистскія стремленія. И онъ дѣйствительно оказался таковымъ и преслѣдовалъ эти стремленія, съ ихъ затаенными цѣлями, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго.

По изданіи папскаго Breve 3 мая 1892 года приступ-

лено было къ выработкѣ программы конгресса, и президентомъ комитета, съ этою цѣлію учрежденнаго, назначенъ былъ упомянутый епископъ Люттихскій В. I. Дутрелу. Программа выработана была въ обширныхъ размѣрахъ, съ богословскимъ и политическимъ характеромъ. По сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, предметы, подлежавшіе, согласно этой программѣ, обсужденію на евхаристическомъ конгрессѣ въ Іерусалимѣ, были слѣдующіе:

1. *Евхаристическая литургія на востокѣ.* Греческая литургія св. апостола Іакова, александрійская литургія св. евангелиста Марка; литургіи константинопольскія св. Василія Великаго и св. Іоанна Златоустаго; арабская литургія мелхитовъ; арабскія же литургіи маронитовъ и соединенныхъ и несоединенныхъ съ Римомъ яковитовъ; несторіанская литургія и коптская литургія св. Кирилла Александрійскаго; абиссинская литургія 12-ти апостоловъ; армянская литургія; наконецъ, литургіи: славянская, румынская и грузинская. Тексты литургій и литургическіе обряды. Введеніе древнихъ восточныхъ молитвенныхъ формулъ въ молитвенники вмѣсто новыхъ формулъ, часто имѣющихъ мало достоинства. Сравненіе различныхъ восточныхъ литургій съ литургіями западными. Одинаковость главнаго священнодѣйствія литургіи во всѣхъ нихъ по существу [1]).

2. *Евхаристическое богословіе.* а) Богословіе *догматическое,* по восточнымъ источникамъ. Свидѣтельства восточныхъ отцевъ Церкви о дѣйствительномъ присутствіи Іисуса Христа въ Евхаристіи и о пресуществленіи даровъ. Іоаннъ Златоустъ, какъ главнѣйшій истолкователь ученія Церкви объ Евхаристіи. Іисусъ Христосъ, какъ первосвященникъ, жертва, искупитель, по различнымъ литургіямъ. Исторія евхаристическаго богословія на востокѣ. б) Богословіе *дисциплинарное* или требованія Церкви относительно лицъ, присутствующихъ при совершеніи таинства Евхаристіи и причащающихся сему таинству, равно какъ и относительно вещества для таинства. Совершеніе таинства только въ обществѣ вѣрныхъ. Евхаристическіе символы, вечери любви

---

[1]) Здѣсь разумѣется та часть литургіи, которая слѣдуетъ за пѣніемъ: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ“ и пр. т. е. освященіе и пресуществленіе даровъ таинства Евхаристіи.

агапы) и благословенія (евлогіи),—опрѣсноки, причащеніе подъ обоими видами (тѣла и крови Христовыхъ).

3. *Евхаристическая археологія.* Константиновы и византійскія базилики, преимущественно въ Іерусалимѣ. Содержаніе церквей. Иконостасы и иконографія. Священные сосуды и одежды. Обряды литургіи, употребляемыя при ней книги и пѣснопѣнія на востокѣ.

4. *Евхаристическій культъ* у восточныхъ христіанъ, грековъ, славянъ и западныхъ христіанъ. Оглашенные въ древнія времена христіанства и приготовленіе къ принятію таинствъ вообще. Открыто употребляемые въ обществѣ христіанъ знаки благоговѣнія. Святое причащеніе и его дѣйствія. Характеръ истинной жертвы, присущій таинству Евхаристіи. Продолженіе присутствія Господа Іисуса Христа въ св. дарахъ по совершеніи жертвы. Непреклонное сопротивленіе восточной церкви, даже не соединенной съ Римомъ, калвинскимъ стремленіямъ Кирилла Лукариса. Почитаніе Божіей Матери и святыхъ въ его отношеніи къ св. Евхаристіи, воспоминаніе Божіей Матери и святыхъ во всѣхъ литургіяхъ. Вліяніе почитанія Божіей Матери на сохраненіе вѣры въ св. Евхаристію. Евхаристическій культъ во время произнесенія Кирилломъ Іерусалимскимъ его огласительныхъ и тайноводственныхъ поученій (347 г.). Путешествія ко св. мѣстамъ Палестины Сильвіи (въ концѣ 4-го вѣка), св. Меланіи (417 г.), до св. Софронія (637 г.), и съ того времени до нашихъ дней. Евхаристическія чудеса на востокѣ.

5. *Взаимныя отношенія между востокомъ и западомъ.* Святая Евхаристія, какъ символъ и союзъ любви и единенія (symbolum et vinculum charitatis et unionis); молитвы о соединеніи церквей и вѣрующихъ во всѣхъ литургіяхъ востока и запада; восточные, какъ миссіонеры на западѣ; греческіе папы; восточная иконографія въ періодъ соборовъ. Гимнографія, и св. Петръ. Кириллъ и Меѳодій. Эхо схоластики на востокѣ. Соборы Ліонскій и Флорентійскій. Папы съ Евгенія IV. Заботы папъ о сохраненіи восточныхъ обрядовъ [1]). Соединеніе въ молитвѣ о возсоединеніи церквей. Путешествія ко св. мѣстамъ со времени

[1]) Ближе всего въ уніи.

св. Елены (326 г.), матери Константина Великаго, и паломника Бордосскаго (338 г.).

При этомъ тогда же къ программѣ сдѣлано было нарочитое примѣчаніе слѣдующаго содержанія: „Всякій споръ и полемика должны быть строжайше воспрещаемы на евхаристическомъ конгрессѣ. Наша цѣль, при отправленіи въ Іерусалимъ, призвать нашихъ братьевъ на востокѣ къ ногамъ Іисуса въ св. Евхаристіи, культъ которой никогда не прекращался на востокѣ, изучить ихъ преданія и обряды, которыхъ мы не знаемъ или знаемъ несовершенно, ознакомиться съ ихъ нуждами и поискать средствъ, чтобы притти къ нимъ на помощь“. На сколько дѣйствительно отсутствовали на конгрессѣ споръ и полемика и насколько представители папы и ихъ спутники и единомышленники ограничились этою скромною задачею на немъ, это ясно будетъ изъ послѣдующаго.

По обнародованіи вышеизложенной программы начались приготовленія къ самому конгрессу. Распоряженіемъ отъ 18 ноября 1892 года папа уполномочилъ кардинала Ланженье (Langénieux), архіепископа Реймскаго, быть своимъ представителемъ въ Іерусалимѣ на конгрессѣ, съ титуломъ папскаго легата. Кардиналъ Ланженье счелъ нужнымъ издать, съ своей стороны, программу будущихъ дѣйствій на конгрессѣ. Въ началѣ этой программы говорится: „Греки — наши братья будутъ тронуты, какъ апостолъ Петръ былъ тронутъ взглядомъ Іисуса, Котораго и они также любили, но Которому не съумѣли слѣдовать и Котораго не признаютъ въ лицѣ Его намѣстника. Помолимся, чтобы изъ этого конгресса вышли всѣ тѣ благотворныя послѣдствія, которыхъ мы ожидаемъ“. Уже изъ этого можно видѣть, какіе въ сущности взгляды на востокъ руководили исполнителями воли папы относительно конгресса; а между тѣмъ тогда же возникли и затрудненія, грозившія вовсе не мирнымъ выполненіемъ программы конгресса, предпринятаго, по видимому, съ такими мирными цѣлями. И эти затрудненія возникли ближе всего въ самомъ же римско-католическомъ мірѣ. Австрія обнаружила недовольство и опасеніе, что конгрессъ, въ которомъ главное руководство предоставлено было французамъ, ослабитъ ея вліяніе и престижъ на востокѣ. Германія и Италія также вызывали Порту на мѣры

предосторожности противъ конгресса. Латинскій патріархъ въ Іерусалимѣ, италіанецъ Піави [1]), также считалъ себя обиженнымъ, что не онъ, а французскій архіепископъ назначенъ быть представителемъ папы на конгрессѣ. Однако всѣ эти затрудненія были своевременно улажены, и конгрессъ состоялся со всею торжественною обстановкою, которою такъ отличается римско-католическая церковь въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ.

Отправленіе представителей и сопровождавшихъ ихъ поклонниковъ на конгрессъ въ Іерусалимъ имѣло всю обстановку крестовыхъ походовъ среднихъ вѣковъ. Напутствуемые благословеніемъ и благожеланіями папы, они отправились въ апрѣлѣ 1893 года нѣсколькими партіями, въ нѣсколько сотъ человѣкъ каждая, на нѣсколькихъ корабляхъ, въ Іерусалимъ, съ пѣніемъ псалмовъ и священныхъ пѣснопѣній, съ возгласами: „Богъ того хочетъ". (Dieu le veut) [2])", при постоянномъ совершеніи литургій на корабляхъ и проч. Нѣкоторые изъ пилигримовъ были одѣты въ средневѣковые костюмы. Поклонники (пилигримы) прибыли въ Палестину двумя главными караванами: около 500 человѣкъ ихъ прибыло 5-го мая (по новому стилю) на двухъ экстренныхъ поѣздахъ изъ Яффы (куда прибыли они моремъ) въ Іерусалимъ и до 300 человѣкъ 7-го мая чрезъ Каифу—туда же. Все это были почти исключительно французы. И лишь гораздо меньшіе того и другаго каравановъ прибыли въ Іерусалимъ 11-го мая—италіанскій караванъ и 13-го мая—баварскій караванъ пилигримовъ. Значеніе французскаго, и безъ того самаго многолюднаго, каравана возрасло до высшей степени съ прибытіемъ папскаго легата, упомянутаго выше кардинала—архіепископа Реймскаго Ланженье, состоявшимся въ субботу 14 мая въ 3 часа по полудни. Со всѣми караванами прибыло 32 епископа и 350 аббатовъ, прелатовъ и монаховъ разныхъ орденовъ.

---

[1]) Италіанцы вообще стараются быть главнымъ элементомъ въ составѣ высшаго духовенства римско-католической церкви. Извѣстно, что число кардиналовъ напр. всегда устанавливается такое, что бы въ немъ кардиналовъ италіанскаго происхожденія было хотя нѣсколько больше, нежели кардиналовъ всѣхъ другихъ національностей.

[2]) Этотъ возгласъ, какъ извѣстно, повторяемъ былъ и во время крестовыхъ походовъ среднихъ вѣковъ.

Еще 7-го мая (по нашему, старому стилю 25-го апрѣля), вмѣстѣ съ прибытіемъ втораго французскаго каравана пилигримовъ, состоялся торжественный входъ ихъ въ Іерусалимъ, въ предшествіи знаменъ: французскаго, папскаго и знамени Іерусалимскаго королевства крестоносцевъ, чрезъ что прямо вызывалось воспоминаніе крестовыхъ походовъ средневѣковой эпохи, какъ примѣра для подражанія настоящаго конгресса. Съ знаменами шли впереди хоръ музыкантовъ и пѣвчіе изъ виолеемскихъ воспитанниковъ латинской школы. Въ такомъ предшедствіи и во главѣ съ нѣсколькими епископами, пилигримы съ пѣніемъ псалмовъ и возгласами: „Богъ того хочетъ!“ направились по улицамъ Іерусалима въ торжественной процессіи къ храму Гроба Господня. Здѣсь викарій кустода францисканскаго ордена встрѣтилъ ихъ рѣчью, въ которой, не скрывъ того, что иниціатива всего предпріятія принадлежитъ августинскимъ монахамъ, высказалъ между прочимъ слѣдующее: „Въ теченіе вѣковъ бываетъ психологическій моментъ, благопріятный для великихъ дѣлъ. Достопочтенные отцы августинцы прекрасно поняли это. Не смотря на препятствія, возникшія предъ ними, повинуясь только своей ревности, ввѣряясь Божественному Провидѣнію, по примѣру храбрыхъ рыцарей среднихъ вѣковъ, они стали во главѣ движенія, съ возгласомъ: Богъ того хочетъ! Сегодня мы имѣемъ утѣшеніе присутствовать при ихъ торжествѣ. Позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать публично признательность и удивленіе его величеству благополучно царствующему султану Абдулъ-Гамиду. Благодаря его широкому и примирительному духу пали преграды, отдѣлявшія востокъ отъ запада, и христіане, къ какой бы національности они ни принадлежали, могутъ подъ сѣнью полумѣсяца водрузить знамя креста и открыто выразить свою вѣру [1])... Настоящее великое торжество, возвышаемое присутствіемъ монсиньора Менини, архіепископа Филиппольскаго, не можетъ не произвести на восточныхъ благотворнаго и продолжительнаго впечатлѣнія. Чтобы придать вселенскій характеръ этому общему собранію, Левъ XIII,

[1]) Здѣсь нельзя не видѣть чрезмѣрной лести викарія Турецкому правительству.

этотъ непобѣдимый старецъ (ce vieillard invincible), котораго крѣпкія и сильныя руки безтрепетно располагаютъ ключами неба, назначилъ представителемъ своимъ князя церкви, — кардинала Ланженье". На другой день послѣ произнесенія этой рѣчи кардиналъ Ланженье и прибылъ въ Яффу; но затѣмъ еще только чрезъ недѣлю вступилъ онъ въ самый Іерусалимъ. Причиною такой остановки, какъ выяснилось впослѣдствіи, были пререканія между нимъ и латинскимъ патріархомъ въ Іерусалимѣ Піави относительно церемоніала въѣзда кардинала въ Іерусалимъ, при чемъ на долю патріарха Піави доставалось значительное униженіе по сравненію съ кардиналомъ, какъ представителемъ папы, чего, естественно, не хотѣлъ Піави, какъ мѣстный духовный высшій сановникъ [1]). Наконецъ, благодаря взаимнымъ уступкамъ, соглашеніе на счетъ церемоніала въѣзда состоялось, и въѣздъ произошелъ съ необычайною для угнетенныхъ деспотизмомъ жителей востока торжественностію, на которую такъ способны и щедры римскіе католики. По пріѣздѣ въ Іерусалимъ, кардиналъ былъ встрѣченъ на станціи французскимъ консуломъ и кавасами другихъ консуловъ. Хоръ изъ виѳлеемскаго сиротскаго пріюта исполнилъ, въ честь высокаго гостя, нѣсколько пьесъ и затѣмъ сопровождалъ его въ городъ. Шествіе тронулось, имѣя во главѣ кардинала, облеченнаго въ красную одежду и сидѣвшаго на бѣломъ конѣ. За нимъ шли епископы и паломники, представляя собой какъ бы свиту его, при чемъ французскія газеты сообщаютъ, что среди лицъ этой свиты находились и представители восточныхъ церквей, не принявшихъ уніи. Многочисленная толпа народа окружала процессію. Кардиналъ благословлялъ народъ, что̀, по словамъ тѣхъ же газетъ, растрогало будто бы даже іудеевъ, не ожидавшихъ такого вниманія со стороны кардинала.. У башни Давида кардиналъ былъ встрѣченъ полуротою турецкой пѣхоты, которая отдала ему воинскія почести. Здѣсь же встрѣтилъ его и латинскій патріархъ Піави съ капитуломъ и персоналомъ виѳлеемскаго пріюта. Маронитскіе, сирскіе

---

[1]) Такъ напр. патріархъ Піави никакъ не хотѣлъ унизиться до требовавшейся по первоначальному церемоніалу встрѣчи кардинала на станціи желѣзной дороги.

и другіе архіереи съ своимъ духовенствомъ стояли шпалерами по дорогѣ къ Гробу Господню. Кардиналъ, сойдя съ коня, облачился въ мантію (pluviale) и митру и, осѣняемый балдахиномъ, отправился ко Гробу Господню при пѣніи гимновъ воспитанниками римско-католической Іерусалимской семинаріи и восклицаніяхъ паломниковъ. Улицы, окна и кровли были усѣяны народомъ, любовавшимся на зрѣлище. Полиція охраняла порядокъ. Вступивъ во храмъ, представитель папы сѣлъ на епископскій престолъ предъ Гробомъ Господнимъ, а епископы на сѣдалища по сторонамъ его, при чемъ блескъ мѣстнаго латинскаго патріарха совершенно исчезалъ предъ величіемъ блеска кардинала Ланженье. По совершеніи обычнаго богослуженія кардиналъ преподалъ папское благословеніе. За тѣмъ, въ сопровожденіи представителей отъ консульствъ и религіозныхъ конгрегацій, папскій легатъ отправился въ латинскую патріархію, гдѣ состоялся оффиціальный пріемъ. На слѣдующій день члены евхаристическаго конгресса посѣтили Виѳлеемъ, имѣя во главѣ своей кардинала Ланженье, при чемъ ихъ сопровождалъ отрядъ арабскихъ и турецкихъ всадниковъ, а народъ тѣснился, чтобы облобызать руку представителя папы. Тамъ въ пещерной церкви Рождества Христова, совершено было богослуженіе, при чемъ представителямъ конгресса предоставлены были всѣ удобства по сравненію съ представителями исповѣданій православнаго и армянскаго. Улицы города Давидова были украшены по этому случаю.

Самыя засѣданія конгресса открыты были 3—15 мая и происходили утромъ и вечеромъ то въ патріаршей (латинской) церкви, а то во французской церкви св. Анны. Епископы и прелаты сидѣли въ хорѣ, а низшее духовенство и міряне наполняли нефы церкви. Почетныя мѣста около предсѣдателя (кардинала) заняты были латинскимъ высшимъ духовенствомъ, а уніатское высшее духовенство помѣщалось за кардиналомъ и по сторонамъ хора. Въ нефахъ преобладали европейцы. Собранія въ храмѣ, предъ алтаремъ, давали конгрессу видъ собора. Со стороны латинянъ, кромѣ кардинала—легата, здѣсь были епископы: Люттихскій (или Ліежскій), упомянутый выше Дутрелу (Doutreloux), Болгарскій, Тиносскій (острова Тиноса), Верчеллійскій, Базельскій, Трапезундскій, Монтевидеоскій, Людовикопольскій (Мон-

тесъ де-Ока, въ Америкѣ), Буртингтонскій (тоже въ Америкѣ), патріархъ Іерусалимскій (Піави), его суффраганъ, аббатъ Кастель-Мадамскій и др., всего 11 епископовъ и 5 аббатовъ. Представителями уніи явились: мелхитскій патріархъ Іерусалима, Антіохіи и Александіи, греко-уніатскіе же архіепископы Баніасскій, Тирскій и Хуаранскій и епископъ Сидонскій; сиро-уніатскіе архіепископы Багдадскій и Бейрутскій и епископъ Алеппскій; пять епископовъ Маронитскихъ; епископъ Болгаро-уніатскій; армяно-уніатскій епископъ Аданскій; генеральный викарій коптскій; архимандритъ базиліанскаго ордена греко-уніатскаго изъ Гротта-Ферраты; всего 17 прелатовъ. Такъ какъ употребленіемъ латинскаго языка предпочтительно предъ прочими не хотѣли раздражать духовенство уніатское, а греческій былъ непонятенъ большинству участниковъ конгресса, мѣстные же языки, самые употребительные, какъ напр. арабскій, не были извѣстны высокимъ духовнымъ особамъ, прибывшимъ изъ Европы и составлявшимъ, если можно такъ выразиться, аристократію, господствующій элементъ въ личномъ составѣ конгресса: то оффиціальнымъ языкомъ послѣдняго принятъ былъ языкъ дипломатіи—французскій. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ сочтено было нужнымъ, съ одной стороны, для показанія латинскаго главенства, одно засѣданіе провести на латинскомъ языкѣ, а съ другой стороны, сказать хотя одно поученіе на арабскомъ языкѣ.

Засѣданія открыты были рѣчью кардинала Ланженье, очень искусно и дипломатически-тонко составленною, въ которой ораторъ, уподобивъ себя пророку Самуилу, на вопросъ Виѳлеемлянъ: мирно ли пришествіе твое? отвѣчавшему: мирно: я пришелъ принести жертву Богу [1]), разъяснилъ, что такъ какъ Евхаристія выражаетъ собою высочайшую любовь, то во имя ея должно слиться всѣмъ во едино; но при этомъ нарочито даже и намека не сдѣлалъ на главное условіе единенія—признаніе главенства папы, которое однако видѣлось во всѣхъ дѣйствіяхъ легата. Вся рѣчь легата была обильною похвалою славной историческимъ прошлымъ восточной церкви и свидѣтельствомъ глубокаго уваженія, пи-

---

[1]] См. 1 Цар. 16, 4. 5.

таемаго къ ней папою. „Мы почувствовали по самому теченію событій, — говорилъ онъ между прочимъ, — что Богъ былъ съ нами. Драгоцѣнныя симпатіи укрѣпились; трудности устранены; верховное благоволеніе его величества султана, возвышенный умъ, справедливость и благоразуміе котораго хвалилъ папа всего нѣсколько недѣль тому назадъ, открыло намъ путь, — и вотъ намъ дано въ чувствѣ братскаго соревнованія осуществить планъ, принятый еще за годъ, въ цѣляхъ вѣры, для вящшей славы Божіей и для торжества святой Церкви... Такимъ образомъ наши евхаристическія собранія въ одно и тоже время увеличатъ у католиковъ Божественную любовь къ нашимъ алтарямъ, а для отдѣленныхъ отъ насъ христіанъ, согласно съ желаніемъ, выраженнымъ Львомъ XIII 15-го числа прошедшаго мѣсяца въ его рѣчи къ французскимъ пилигримамъ, будутъ нѣмымъ, но краснорѣчивымъ приглашеніемъ притти слиться съ нами“ (se fusionner avec nous). Такъ откровенно, на первыхъ же порахъ, представителемъ папы, выражена была затаенная мысль конгресса, уніонистское стремленіе, руководившее планомъ его. Кромѣ того какъ бы нарочито, восхваляя прошлое восточной церкви въ своей рѣчи и упоминая славныя имена великихъ святителей и учителей сей церкви, святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскина и др., кардиналъ счелъ нужнымъ упомянуть также не только имена славянскихъ первоучителей — Кирилла и Меѳодія, но и имя извѣстнаго латино-польскаго дѣятеля временъ западно-русской уніи Іосафата Кунцевича, вѣроятно въ угоду полякамъ.

По открытіи евхаристическаго конгресса рѣчью папскаго легата дальнѣйшія рѣчи, разсужденія, рефераты въ общемъ соотвѣтствовали раньше начертанной программѣ конгресса и служили осуществленіемъ ея. Такъ, епископъ Люттихскій Ду трелу въ своей рѣчи доказывалъ важность чествованія Евхаристіи; греко-уніатскій (мелхитскій) патріархъ Григорій I разъяснялъ литургическія выраженія, относящійся къ почитанію Евхаристіи и особенности литургіи преждеосвященныхъ даровъ, хотя при этомъ не преминулъ указать и на безпомощное положеніе его бѣдной церкви, не позволяющее ему и его епископамъ достойно прославлять Евхаристію; латинскій Іерусалимскій патріархъ Піави напомнилъ, что

Іерусалимъ представляетъ собою средоточіе не только исторіи христіанства, но и всего человѣчества, а евхаристическій конгрессъ является эпохой въ исторіи церкви, залогомъ грядущихъ, не менѣе славныхъ, событій, и т. д. Спеціальнымъ предметомъ реферата патріарха была литургія св. ап. Іакова, какъ основа всѣхъ восточныхъ литургій. Джерайджири, епископъ Баніасскій (въ древней Панеадѣ или Кесаріи Филипповой) разсматривалъ три вида литургіи, произшедшихъ изъ литургіи ап. Іакова: литургію св. Василія Великаго, литургію св. Іоанна Златоустаго и литургію преждеосвященныхъ даровъ, представляющія собой постепенное сокращеніе литургіи св. ап. Іакова. Это разсужденіе привлекло къ себѣ особенное вниманіе слушателей. — Кандалафтъ, епископъ Бейрутскій, прочиталъ изслѣдованіе о Сирской литургіи.—Докторъ Аѳанасій Абенъ-Саидъ, представитель Коптскаго апостолическаго провикарія, дѣлалъ докладъ о коптскихъ литургіяхъ ап. Марка, Василія Великаго и Григорія Богослова и о готовящемся изданіи перевода этихъ литургій, особенностію которыхъ является то, что онѣ представляютъ собой непрерывный діалогъ между священнодѣйствующимъ и діакономъ, его истолкователемъ съ одной—и народомъ, съ другой стороны, при чемъ народъ является принимающимъ участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ пріуготовленія къ совершенію и самаго совершенія жертвоприношенія Евхаристіи.—Аббатъ Мартенъ изъ Одажа (департам. Дрома) читалъ рефератъ о славянской литургіи, принятой въ Болгаріи, этой, по его выраженію, „странѣ будущаго, составляющей дверь въ Россію“. — Рахмани, архіепископъ Багдадскій, представилъ блестящее изложеніе сирскаго чина богослуженія, доказывалъ его апостольское происхожденіе, привелъ нѣсколько соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ литургіи и указалъ на обряды, существующіе только въ этой церкви. Говоря о языкѣ этого чина, онъ не забылъ указать на употребленіе его самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ (выраженія: Талиѳа кумѝ; Илѝ, Илѝ, ламма̀ савахѳанѝ и т. п.).—Доминиканецъ Мишель въ своей ученой диссертаціи излагалъ исторію постоянныхъ попеченій папъ о поддержаніи восточныхъ обрядовъ и уваженіи къ нимъ. — Бейрутскій маронитскій архіепископъ Деббсъ читалъ о догматѣ пресуществленія въ сирскихъ церквахъ

уніатской и неуніатской, опираясь преимущественно на рукописный матеріалъ, собранный Ассеманомъ въ Ватиканскую библіотеку. — Николай Кади, мелхитскій епископъ Босры и Хаурана, сообщилъ изъ греческой литургіи все, относящееся до почитанія Евхаристіи. — Алжирскій миссіонеръ Кутюрье читалъ о монастырскихъ богослуженіяхъ, которыя болѣе развиты и полны въ своемъ составѣ въ греческой, нежели въ латинской церкви. — Объ армянской литургіи сообщилъ свѣдѣнія Терціанъ, епископъ Аданскій, и т. д. Всѣхъ рефератовъ, въ продолженіе недѣли, протекшей отъ начала до конца засѣданій евхаристическаго конгресса, было сорокъ. Нѣкоторые изъ нихъ не имѣли прямаго отношенія къ Евхаристіи, какъ напр. сообщеніе барнабита Тондини о протестантской пропагандѣ на востокѣ и о надеждахъ на возсоединеніе русскихъ съ латинской церковью, къ которому они, по его мнѣнію, чрезвычайно расположены.— Хотя пренія и какого бы то ни было рода пререканія и споры были напередъ воспрещены на конгрессѣ, имѣвшемъ мирныя цѣли, однако они невольно прорывались у нѣкоторыхъ ораторовъ и докладчиковъ. Такъ напр. упомянутый епископъ Кандалафтъ, превознося сирохалдейскую литургію, укорилъ мелхитовъ въ томъ, что они, подъ вліяніемъ византійскихъ императоровъ, внесли въ литургію греческія новшества и за тѣмъ впали въ монофизитство; маронитамъ же поставилъ въ вину, что въ литургіи у нихъ много общаго съ яковитами; чего не оставили безъ горячей защиты и рѣзкихъ возраженій Деббсъ и Джерайджири. Возраженія встрѣтили также рѣчь архіепископа Рахмани и докладъ Мишеля, при чемъ послѣднему, и именно въ духѣ нетерпимости къ обрядамъ уніатовъ, возражалъ Піави. Руководители конгресса (кардиналъ Ланженье и епископъ Дутрелу) однакоже постарались ослабить силу непріятнаго впечатлѣнія отъ этихъ преній и уладить споры и недоразумѣнія.

Засѣданія конгресса кончились 20 мая. Они закрыты были новою, заключительною, рѣчью кардинала Ланженье, въ которой онъ, характеризуя задачу и выполненіе программы конгресса словами извѣстнаго прошенія эктеніи: „о мирѣ всего міра, о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о соединеніи всѣхъ“, произнесенными имъ даже на греческомъ языкѣ, о результатахъ конгресса высказался слѣдую-

щимъ образомъ: „Почему это величественное проявленіе религіозной жизни, это событіе, возбудившее вниманіе народовъ запада, признанное и восточными церквами для себя честью и утѣшеніемъ и обѣщающее произвести здѣсь глубокое впечатлѣніе даже на тѣхъ, кто не раздѣляетъ нашихъ вѣрованій, почему оно не пробудило бы, согласно съ надеждой его святѣйшества Льва XIII, католическихъ преданій въ этой странѣ?... Церковь судитъ съ Піемъ IX, что разнообразіе дозволенныхъ обрядовъ, не ослабляя единства вѣры, служитъ къ блеску и величію церкви. Скажу болѣе: это гармоническое многообразіе обрядовъ не только допущено, не только терпимо,—*оно необходимо;* потому что оно ограждаетъ пріобрѣтенныя права и выражаетъ уваженіе къ національнымъ особенностямъ, которыя могутъ совершенно мириться съ цѣлостью ученія“. — Съ формальной же стороны, въ заключеніе засѣданій конгресса, выработаны и изложены были слѣдующія, выраженныя въ формѣ пожеланій, частныя положенія: 1) желательно, чтобы въ молитвословы, назначенные для употребленія западныхъ христіанъ католиковъ, были внесены и прекраснѣйшія молитвословія восточныхъ евхаристическихъ обрядовъ; 2) чтобы чтенія и сообщенія, сдѣланныя на конгрессѣ, послужили матеріаломъ и поводомъ къ составленію Евхаристическаго Сборника Востока (Summa Eucharistica Orientis), въ которомъ восточные евхаристическіе обряды были бы разсмотрѣны съ точки зрѣнія богословія, литургіи и исторіи; 3) чтобы доставлялись болѣе обильныя пожертвованія бѣднымъ церквамъ востока; 4) чтобы католическія школы на востокѣ поддерживались и развивались и были бы устроены тамъ духовныя семинаріи для приготовленія „апостоловъ востока“; 5) чтобы богословская періодическая печать занималась спеціально вопросами, касающимися уніи церквей; 6) чтобы сношенія между вѣрующими и клиромъ востока и запада, завязанныя конгрессомъ, продолжались и укрѣплялись; и наконецъ 7) чтобы результаты занятій конгресса были опубликованы на разныхъ языкахъ и доведены до всеобщаго свѣдѣнія чрезъ различные духовные журналы“. И журналы, особенно западные (восточные журналы странъ православныхъ оказались сдержаннѣе), римско-католическіе, уже забили тревогу, восхваляя конгрессъ и не скупясь на преувеличенія

о результатахъ, имъ достигнутыхъ. „Четыреста лѣтъ тому назадъ востокъ былъ приглашенъ западомъ на соборъ во Флоренцію,—читаемъ напр. въ одномъ изъ римско-католическихъ журналовъ,—теперь западъ, въ свою очередь, попросилъ гостепріимства востока, чтобы разсѣять послѣднія облака восточнаго неудовольствія". Наконецъ и самъ папа Левъ XIII, уже въ іюлѣ (по старому стилю) того же 1893 г., принимая депутацію изъ 80-ти епископовъ, клириковъ и воспитанниковъ римско-католическихъ школъ востока, и выслушавъ адресъ, прочитанный епископомъ Сидонскимъ Хаджіатомъ, сказалъ между прочимъ, что ему пріятно привѣтствовать восточное духовенство послѣ благополучнаго окончанія Іерусалимскимъ конгрессомъ его занятій, и что онъ, папа, неусыпно заботится о востокѣ и пламенно желаетъ возвратить восточнымъ церквамъ ихъ прежній блескъ.

Такъ сладки, успокоительны и мирны, по видимому, свѣдѣнія и увѣренія объ Іерусалимскомъ евхаристическомъ конгрессѣ, его цѣли, задачахъ, занятіяхъ и результатахъ, идущія со стороны самихъ римскихъ католиковъ, съ самимъ папою во главѣ ихъ. Такъ ли они сладки, успокоительны и мирны были въ дѣйствительности и для самаго востока, особенно же для истинно-каѳолической восточной церкви, это еще вопросъ, къ разрѣшенію котораго, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, могутъ служить, отчасти уже извѣстные намъ изъ предшествующаго, возникавшіе предъ самымъ конгрессомъ, не скрывшіеся во время конгресса и обнаружившіеся вскорѣ послѣ конгресса споры, несогласія, недоразумѣнія и даже прямо враждебныя отношенія не только между римскими католиками и православными (преимущественно греками), но и между римскими католиками и уніатами, равно какъ и между различными другими христіанскими исповѣданіями востока въ ихъ отношеніи къ римскому католицизму. Описанный въ декабрской книжкѣ *Сообщеній Православнаго Палестинскаго Общества* за 1893 годъ случай кровавой расправы одного францисканскаго монаха съ православнымъ славяниномъ, австрійскимъ подданнымъ, въ Виѳлеемской пещерѣ Рождества Христова, происшедшій въ октябрѣ того же 1893 года [1]), лучше всего можетъ сви-

[1]) См. *Сообщенія Правосл. Палест. Общества*, декабрь 1893 года.

дѣтельствовать какъ о мнимо-мирномъ настроеніи римскихъ католиковъ въ ихъ отношеніи къ не принадлежащимъ римско-католической церкви, такъ и о существенной розни между тѣми и другими, не позволяющей питать сладкія надежды на вожделѣнное, конечно, само по себѣ единеніе востока и запада, по крайней мѣрѣ при теперешнихъ, исторически сложившихся, условіяхъ ихъ существованія. Хотя въ заключеніе евхаристическаго конгресса, напримѣръ, и выражено было между прочимъ желаніе, чтобы въ римско-католическіе молитвословы были внесены „прекраснѣйшія молитвословія восточныхъ евхаристическихъ обрядовъ“, однако, судя по историческому опыту съ уніей прежнихъ времен (напр. западно-русскою), въ дѣйствительности скорѣе можно ожидать обратнаго, т. е. внесенія въ восточные православные молитвословы и богослужебныя книги римско-католическихъ новшествъ. Да и самъ папа Левъ XIII, какъ ни сладко говоритъ къ востоку о единеніи путемъ уніи и при помощи конгрессовъ, подобныхъ евхаристическому Іерусалимскому, втайнѣ, безъ сомнѣнія, не желаетъ ничего болѣе, какъ всецѣлаго, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, подчиненія православнаго востока своему престолу. „Папа Левъ XIII,—откровенно говоритъ, по поводу евхаристическаго конгресса, одна французская же газета (*Cathol. nation*), -рѣшительно вознамѣрился наложить свою желѣзную лапу (grapin) на церкви востока“. Онъ выражалъ желаніе, какъ мы знаемъ, „возвратить восточнымъ церквамъ ихъ прежній блескъ“. Кардиналъ Ланженье разъяснилъ, что подъ этимъ блескомъ разумѣется между прочимъ обрядовая сторона [1]), встрѣчающая нынѣ, особенно подъ игомъ турецкаго владычества, много препятствій къ своему обнаруженію во всемъ прежнемъ блескѣ.—Удастся ли папѣ осуществить его желанія, это покажетъ, конечно, будущее; но съ точки зрѣнія прошедшаго и настоящаго съ несомнѣнностію можно сказать, что еще далеко не скоро наступитъ желанное единеніе церквей, а прежній блескъ восточныхъ церквей заключался

стран. 677 и дал. Срав. здѣсь же выше, о совершеніи заключительной литургіи (мессы) кардиналомъ Ланжевье въ Іерусалимѣ.

[1]) При томъ, въ устахъ папы и кардинала, конечно, скорѣе римско-католическаго, нежели православно-восточнаго характера.

и заключается не въ одномъ томъ, въ чемъ полагаетъ его римскій католицизмъ. Самая рознь между православнымъ востокомъ и римско-католическимъ западомъ, также какъ и между различными отдѣльными христіанскими церквами и исповѣданіями восточными имѣетъ для себя причины болѣе глубокія, нежели какія выясняются изъ сладкихъ словъ и успокоительныхъ увѣреній римскихъ католиковъ. Эти причины кроются въ мѣстныхъ и историческихъ условіяхъ жизни востока, раскрытіе которыхъ заслуживаетъ особаго изслѣдованія.

II. Церковь Іерусалимская.

Вся исторія церкви Іерусалимскаго и другихъ восточныхъ патріархатовъ отъ начала христіанства и до нашихъ дней въ разсматриваемомъ нами отношеніи православія къ инославнымъ исповѣданіямъ рѣзко дѣлится на два, весьма не равныхъ, періода, именно, на время отъ начала христіанства до 1840 года и на время отъ 1840 года до нашихъ дней. Между тѣмъ какъ въ первый періодъ жизнь Іерусалимской и другихъ православныхъ восточныхъ церквей была въ собственномъ смыслѣ только церковною и почти совершенно чужда была характера политическаго, съ 1840 года, съ обостреніемъ положенія такъ называемаго восточнаго вопроса, она принимаетъ характеръ по преимуществу политическій, хотя подъ политическою подкладкою обыкновенно преслѣдуются, большею частію только по видимости, интересы религіозные, церковные. Въ своемъ историческомъ обзорѣ обоихъ этихъ періодовъ мы главное вниманіе обратимъ на церковь патріархата Іерусалимскаго и лишь по соприкосновенности съ его исторіею будемъ говорить, сколько окажется нужнымъ, и о церковной жизни другихъ православныхъ восточныхъ патріархатовъ.

Вся Палестина занимаетъ площадь приблизительно въ 230 верстъ отъ сѣвера къ югу и въ 100 верстъ отъ запада къ востоку. На такомъ не большомъ пространствѣ земли, отличающейся чрезвычайнымъ разнообразіемъ при-

роды, представляющей въ себѣ и горы и долины, и пустыни и озера, и скалы и проч., жителей, и осѣдлыхъ и полукочевыхъ, имѣется не болѣе 400 тысячъ душъ обоего пола. При томъ, изъ всего этого, сравнительно не большаго, числа жителей, лишь незначительную часть составляютъ собой евреи, одни изъ самыхъ древнихъ пришельцевъ въ землю обѣтованную, — Палестину (именно тысячъ до 40), арабы, осѣдлые и кочующіе (бедуины), –болѣе позднее пришлое населеніе (тысячъ 20 слишкомъ), еще позже тѣхъ и другихъ поселившіеся здѣсь турки, армяне и европейцы; а главное и самое многочисленное населеніе (до 300 тысячъ) составляютъ такъ называемые феллахи,—древнѣйшіе обитатели Палестины. Въ до-христіанское время феллахи были язычниками—раньше преобладанія Іудеевъ въ Палестинѣ и послѣдователями закона Моисеева — въ цвѣтущія времена царства Іудейскаго, затѣмъ опять язычниками во времена господства грековъ и римлянъ [1]), а во времена христіанства—христіанами, со времени же господства арабовъ и до нынѣ частію—христіанами, а частію магометанами. Эти-то феллахи и составляютъ, какъ издавна составляли, собою главную и коренную стихію паствы Іерусалимскаго православнаго патріархата. Помимо религіи и политическаго положенія, въ которыхъ они мѣнялись съ теченіемъ времени, какъ населеніе низшаго класса народа и слѣдовательно всегда подчиненное, феллахи въ отношеніи къ своему быту домашнему, нравамъ и обычаямъ отличаются одною главною и весьма важною особенностію—вѣрнымъ охраненіемъ древнѣйшихъ чертъ своей національной самобытности, преданій старины глубокой, идущихъ преемственно отъ предковъ къ потомкамъ. Жизнь европейскаго общества всѣхъ его классовъ, подъ вліяніемъ культуры быстро мѣняющаяся до неузнаваемости, чужда жизни феллаховъ, среди которыхъ, по этому, весьма много сохранилось изъ того, о чемъ повѣствуетъ Библія и что тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе священныхъ воспоминаній хранится и въ окружающей феллаховъ природѣ.

---

[1]) Конечно, какъ во времена царства Іудейскаго значительная часть феллаховъ оставалась въ язычествѣ, такъ и во времена господства грековъ и римлянъ многіе изъ нихъ оставались вѣрными закону Моисееву.

Не смотря на гоненія, которыя испытывала христіанская Церковь какъ въ Палестинѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ тогдашней всемірной римской имперіи за первые три вѣка христіанской эры, она постепенно возрастала. Но самое цвѣтущее, лучшее время для Іерусалимской Церкви настало съ упроченіемъ христіанства въ царствованіе императора Константина Великаго (306—337), который не только перенесъ императорскій престолъ и слѣдовательно весь, между прочимъ и церковный, блескъ съ запада на востокъ, но и Іерусалимъ особенно возвысилъ обрѣтеніемъ честнаго древа креста, на которомъ распятъ былъ Господь Іисусъ Христосъ [1]).

Цвѣтущее время Іерусалимской церкви, не смотря на обуревавшія церковь вообще и въ частности Іерусалимскую ереси (аріанство, монофизитство и др.), продолжалось до VII вѣка. Но съ VII вѣка начались и за тѣмъ уже на многіе вѣка не прекращались тяжкія для Іерусалимской церкви времена почти непрерывныхъ нашествій непріятелей и иноплеменниковъ, невольнаго подчиненія то однимъ, то другимъ завоевателямъ, постояннаго почти испытанія разнаго рода притѣсненій со стороны послѣднихъ и т. д. Такъ уже въ самомъ началѣ VII вѣка, именно въ 613 году персидскій царь Хозрой овладѣлъ Іерусалимомъ, а евреи купили у него 90,000 плѣнныхъ христіанъ, чтобы всѣхъ ихъ умертвить. И хотя византійскій императоръ Ираклій въ 627 году побѣдилъ персовъ, возвратилъ изъ плѣна древо крестное и освободилъ Іерусалимъ отъ власти персовъ, однако не на долго. Основатель ислама Магометъ, родившійся въ 569 году, въ числѣ другихъ мѣстъ посѣтилъ и Іерусалимъ, познакомился здѣсь съ Библіею, записалъ нѣкоторыя библейскія изреченія въ Коранъ и даже, по преданіямъ мусульманскимъ, изъ Іерусалима будто бы началъ свое воздушное путешествіе (на небо). Вслѣдствіе этого Іерусалимъ сдѣлался священнымъ и для послѣдователей Магомета, которые наименовали его Ель-Кодсъ. Для обладанія этою святынею собираются полчища подъ предводительствомъ калифа Омара, осаждаютъ священный городъ

---

[1]) Собственно обрѣтенію Креста, по его порученію, послужила матерь его, царица Елена.

и начинаютъ штурмъ его подъ военный кликъ, выражавшійся въ словахъ стиха, взятаго изъ корана: „войдемъ въ святую землю, Богомъ намъ обѣтованную“. Цѣлыхъ четыре мѣсяца отчаянно сопротивлялись христіане, руководимые патріархомъ Софроніемъ; но не имѣя помощи отъ императора Ираклія, долженствовавшаго защищать имперію въ другихъ, ближайшихъ къ столицѣ, мѣстахъ, сдались непріятелямъ. Это было въ 636 году. Вмѣсто креста на многихъ храмахъ Господнихъ появился полумѣсяцъ, вблизи самаго храма Воскресенія христіане увидѣли мечеть Омара, и Іерусалимъ сталъ называться Ель-Кодсъ, такъ что многіе, мало по малу, стали даже и забывать древнее наименованіе Іерусалима. Въ концѣ XI вѣка усиліями западныхъ крестоносцевъ святая земля, какъ извѣстно, освобождена была отъ мусульманскаго владычества, но не на долго. Основанное крестоносцами Іерусалимское королевство не просуществовало и одного столѣтія. Въ 1187 г. Іерусалимъ снова взятъ былъ полчищами Саладина и до настоящаго времени неизмѣнно остается подъ властію магометанъ.

Когда мусульмане, подъ предводительствомъ Омара, впервые овладѣли Іерусалимомъ и Палестиною, то нашли здѣсь христіанскую общину весьма многочисленною и крѣпко сплоченною вокругъ патріарха, какъ не только духовнаго, а и политическаго руководителя своей паствы. Св. Софроній I, патріархъ Іерусалимскій (634—644), во время нашествія Омара съ мусульманскими полчищами на Іерусалимъ въ 636 году, какъ наилучшій полководецъ, одушевлялъ православныхъ христіанъ, обитателей Іерусалима и Палестины, къ борьбѣ съ непріятелями и послѣ взятія Іерусалима Омаромъ, былъ первымъ и самымъ авторитетнымъ посредникомъ между завоевателемъ и побѣжденными [1]. А еще гораздо ранѣе того, съ самаго начала епископства въ Іерусалимѣ по естественному священному праву, со временъ же императора Константина Великаго и законнымъ порядкомъ, юридически, патріархи Іерусалимскіе были глав-

---

[1]) Досиѳея, *Исторія патріарховъ Іерусалимскихъ* кн. VIII, гл. 22, § 1 стр. 750 по греч. подлиннику, издан. въ Букурештѣ въ 1715 году. Срав. прот. В. Я. Михайловскаго, *Спутникъ правосл. поклонника въ св. землю,* ч. II, стр. 213. Спб. 1887, и др.

ными блюстителями важнѣйшей, не только въ Іерусалимѣ, но и во всемъ мірѣ, святыни,—гроба Господня и храма Воскресенія, построеннаго по повелѣнію того же императора Константина Великаго и освященнаго въ 333 году. Близъ этого храма съ тѣхъ же временъ было и самое помѣщеніе для православной Іерусалимской патріархіи, патріаршія палаты. Древнѣйшій нашъ русскій паломникъ, игуменъ Даніилъ, посѣтившій святую землю въ 1107 г., т. е. въ самые первые годы по взятіи Іерусалима крестоносцами, и описавшій свое путешествіе ко святымъ мѣстамъ, говоря въ своемъ описаніи о храмѣ Воскресенія, добавляетъ: „суть же у нея (т. е. у церкви Воскресенія) палаты пространны, и въ тѣхъ палатахъ живетъ горѣ патріархъ“ [1]). Когда же, по утвержденіи крестоносцевъ въ Іерусалимѣ, Римскій папа назначилъ своего, латинскаго патріарха въ Іерусалимъ, то православный патріархъ вынужденъ былъ удалиться не только изъ этихъ своихъ палатъ, но и изъ Іерусалима—въ Константинополь и на островъ Кипръ,—и горнія палаты патріарха Іерусалимскаго заняты были латинскимъ патріархомъ. И только уже по отнятіи Іерусалима у крестоносцевъ султаномъ Саладиномъ въ 1187 году храмъ Гроба Господня былъ снова возвращенъ православнымъ и патріархи вернулись въ Іерусалимъ; но палаты патріаршія, какъ и прочія зданія, находившіяся во владѣніи латинянъ, по изгнаніи послѣднихъ, обращены были въ частную собственность завоевателей. Домъ этотъ, называемый Ханке, и теперь находится во владѣніи мусульманъ, при чемъ часть нижняго этажа его занимаютъ городскіе хлѣбные амбары, гдѣ окрестные Арабы ссыпаютъ десятину отъ всего засѣваемаго ими жита, а часть верхняго этажа занимаетъ одинъ изъ мусульманскихъ эффенди (почетныхъ гражданъ), окна гарема котораго до недавняго времени выходили, съ террасою при нихъ, на верхнюю террасу храма Воскресенія,—

---

[1]) Этимъ объясняется смыслъ словъ одного изъ огласительныхъ поученій св. Кирилла Іерусалимскаго, гдѣ св. Кириллъ, говоря о Крестѣ Христовомъ, поучаетъ: „Онъ (Христосъ) дѣйствительно былъ распятъ за наши грѣхи. Если вознамѣришься отрицать сіе, обличитъ тебя видимое нами мѣсто, сія блаженная Голгоѳа, на которой собрались мы теперь ради Распятаго на ней“ (4-е о глас. поуч., стр. 49—50 по изд. въ рус. перев. Моск. Д. Ак. Серг. Пос. 1893).

и только уже въ началѣ второй половины текущаго столѣтія намѣстникъ патріаршаго престола митрополитъ Мисаилъ, усиленнымъ ходатайствомъ предъ мѣстными турецкими властями, добился того, чтобы по крайней мѣрѣ ходъ изъ гарема на террасу храма былъ заложенъ, такъ что теперь выходитъ на южную часть террасы, принадлежащую греческому монастырю, лишь нѣсколько небольшихъ оконъ. Кромѣ того часть прежняго патріаршаго мѣста занимаетъ теперь латинскій Святогробскій монастырь. Все это прежнее патріаршее мѣсто находилось къ сѣверозападу отъ храма Воресенія. Послѣ же возвращенія въ Іерусалимъ при Саладинѣ православные патріархи поселились, правда, также близъ храма Воскресенія, но уже къ западу, въ монастырѣ св. Ѳеклы, память котораго потомъ осталась лишь въ придѣлѣ св. равноапостольныя первомученицы Ѳеклы въ патріархіи. Изъ патріархіи можно было выйти къ самому куполу храма Воскресенія. И только лѣтъ 35 тому назадъ, послѣ посѣщенія святыхъ мѣстъ Палестины въ Бозѣ почившимъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и по его почину отдѣлано было новое, теперешнее большое двухъэтажное зданіе для помѣщенія православной патріархіи, находящееся черезъ улицу противъ стараго помѣщенія ея. Православные патріархи такимъ образомъ издревли были самыми первыми и главными, такъ сказать, хозяевами святыни Іерусалима — храма Воскресенія и относящихся къ нему святыхъ мѣстъ, а представители всѣхъ другихъ христіанскихъ исповѣданій въ этомъ отношеніи всегда занимали второстепенное мѣсто и были только гостями въ Іерусалимѣ. Такъ смотрѣли на дѣло, — и очевидно вполнѣ справедливо, — съ самаго начала и мусульманскіе завоеватели и обладатели Іерусалима и Палестины, и еще калифъ Омаръ утвердилъ за православнымъ патріархомъ Іерусалимскимъ эти права на главное завѣдываніе христіанскою святынею Іерусалима. Дальнѣйшіе мусульманскіе владѣтели также подтверждали эти права, и султанъ Саладинъ, по изгнаніи крестоносцевъ изъ Іерусалима и Палестины, возстановилъ всѣ важнѣйшія права православной патріархіи. При этомъ знаменитомъ султанѣ православные греки и арабы пользовались, напр. въ отправленіи богослуженія, гораздо большею свободою, нежели во времена крестоносцевъ, стѣ-

снявшихъ эту свободу подъ вліяніемъ внушеній латинскаго клира. За тѣмъ первый завоеватель Сиріи и Палестины изъ султановъ Турецкихъ Селимъ, посѣтивъ Іерусалимъ и бывъ почтительно встрѣченъ во вратахъ св. города православнымъ патріархомъ (Дороѳеемъ II) со всемъ духовенствомъ, былъ этимъ очень доволенъ, ласково бесѣдовалъ съ патріархомъ, святителями и старцами Іерусалимской православной церкви и далъ отъ себя ахтинаме („завѣтъ благоволенія"), коимъ опредѣлялось, чтобы всѣ христіанскія обители и церкви Іерусалима и Палестины были во власти патріарха и онъ первенствовалъ бы во всѣхъ духовныхъ обрядахъ предъ прочими исповѣданіями, а все православное духовенство изъято было бы отъ поголовной подати — харача [1]). Сынъ Селима Солиманъ подтвердилъ благопріятные православному патріарху и духовенству указы отца своего. Но, къ сожалѣнію, еще гораздо раньше оттоманскаго владычества надъ Сиріею и Палестиною, при Египетскихъ султанахъ, сначала грузины, какъ помогавшіе послѣднимъ въ ихъ войнахъ за преобладаніе и отличавшіеся воинскими доблестями, и копты, какъ ближайшіе подданные тѣхъ же султановъ, а за тѣмъ армяне, какъ сильные своими денежными средствами, съ помощію которыхъ они подкупали мѣстныя иновѣрныя власти, мало по малу отнимали ту или другую долю правъ православной патріархіи на исключительное обладаніе святыми мѣстами. Со времени же завоеванія святой земли крестоносцами латиняне стали считать себя также вправѣ принимать ближайшее участіе въ обладаніи ими. А патріархи православные, со времени изгнанія крестоносцевъ изъ святой земли, до самой половины XVI вѣка, бывшіе по большей части изъ арабовъ, которымъ вообще болѣе, нежели грекамъ, покровительствовали тогдашніе мусульманскіе обладатели святой земли и которые были малообразованны, по бѣдности и по непредусмотрительности, довольно легко допускали такое стороннее участіе въ свои исконныя права. И только съ патріарха Германа II (1534—1579), установившаго, чтобы патріархи поставляемы были въ Іерусалимѣ

[1]) Патр. Досиѳея, *Исторія патр. Іерусалимскихъ*, кн. 11, гл. 4, стр. 1154 упом. изданія.

лишь изъ грековъ по происхожденію и при томъ по указанію предшественника въ патріаршествѣ избираемъ былъ преемникъ ему, установилась строгость и послѣдовательность въ стремленіи православной Іерусалимской патріархіи удержать за собою, по крайней мѣрѣ, оставшіяся къ тому времени (1534 г.) права ся на обладаніе св. мѣстами. Съ отстраненіемъ арабовъ отъ занятія патріаршаго престола и частію другихъ, болѣе или менѣе видныхъ мѣстъ въ составѣ іерархіи Іерусалимскаго патріархата, дѣйствительно увеличились и средства патріархіи, такъ какъ греки во множествѣ стали посѣщать святую землю, привлекаемые къ тому греками же патріархами и святогробцами, которые употребляли всю свою природную изобрѣтательность и всѣ мѣры къ поднятію упавшаго было матеріальнаго благосостоянія патріархіи, сами нерѣдко отправлялись въ болѣе или менѣе отдаленныя православныя страны за сборомъ милостыни, строго слѣдили за полученіемъ и употребленіемъ приношеній въ самой святой землѣ, заботились объ удобствахъ поклонниковъ, о благолѣпіи самыхъ святыхъ мѣстъ и проч. Такъ напр. патріархъ Поликарпъ (1808—1827) исключительно на средства патріархіи возобновилъ храмъ Воскресенія послѣ страшнаго пожара 1808 года; патріархъ Кириллъ (II 1845—1872) много положилъ труда на другія улучшенія въ святыхъ мѣстахъ, а еще раньше того патріархъ Досиоей II (1669—1707), составитель извѣстной „Исторіи патріарховъ Іерусалимскихъ“, едва не всю жизнь свою посвятилъ разнообразнымъ заботамъ о томъ, чтобы ни одна пядь святой земли, находившейся въ завѣдываніи патріархіи, не уступаема была инославнымъ исповѣданіямъ, особенно же латинству, хотя для сего ему приходилось не разъ вести борьбу не только на религіозно-церковной почвѣ, но и на политическомъ поприщѣ [1]), и т. д. Единство власти и принципа, строгая послѣдовательность въ достиженіи опредѣленной цѣли и вообще въ дѣйствованіи послужили наилучшею га-

[1]) Срав. для сего труды проф. Н. Ѳ. Каптерева о патріархѣ Досиѳеѣ, помѣщенные въ *Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и древн.* за 1891 г. и въ *Чтеніяхъ въ Общ. люб. дух. просв.* за то же время (отдѣльный оттискъ—докторская диссертація, Москва, 1891).

рантіею сохраненія православною патріархіею (со времени Германа II) того, что досталось ей и осталось у нея отъ временъ древнихъ изъ ея исконныхъ правъ, хотя съ другой стороны, никакъ нельзя одобрить стремленія патріарховъ изъ грековъ на исключительное, съ рѣшительнымъ устраненіемъ представителей изъ арабовъ и другихъ національностей, право занимать престолъ патріаршій [1]).

Какъ бы то ни было однако же, а указанное нами положеніе дѣлъ за все истекшее до 1840 года время служитъ, по нашему мнѣнію, наилучшимъ доказательствомъ того, какъ мало остается правъ за другими, кромѣ православнаго, исповѣданіями христіанскими, на преобладаніе въ святой землѣ. Въ настоящее время обладаніе святыми мѣстами въ Іерусалимѣ и Палестинѣ дѣлится между слѣдующими главными христіанскими исповѣданіями: православными (греками и арабами, а также и грузинами), латинами т. е. римско-католиками (и уніатами разныхъ національностей), армянами и коптами или христіанами Египетскими—монофизитами. Не вдаваясь въ подробности относительно другихъ исповѣданій инославныхъ, главное вниманіе мы обратимъ на римскихъ католиковъ или латинянъ съ ихъ притязаніями и правами на обладаніе святыми мѣстами въ Іерусалимѣ.

До начала крестовыхъ походовъ западные христіане, какъ и христіане всѣхъ другихъ исповѣданій и странъ, были только временными пришельцами, паломниками въ святой землѣ. Съ основаніемъ же Іерусалимскаго королевства послѣ перваго крестоваго похода въ 1099 году, совпавшимъ съ обостреніемъ непріязненныхъ отношеній между православнымъ востокомъ и римско-католическимъ западомъ послѣ состоявшагося въ 1054 году окончательнаго ихъ церковнаго раздѣленія, папа Римскій назначилъ въ Іерусалимъ, въ качествѣ высшаго представителя римско-католической церкви, латинскаго патріарха и за тѣмъ,—для всей Палестины,—четырехъ архіепископовъ: въ Кесаріи, Назаретѣ, Euракѣ и Тирѣ,—и девять епископовъ: въ Лиддѣ, Хевронѣ, Бейрутѣ, Птолемаидѣ, Сидонѣ, Напсѣ, Севастіи, Тиверіадѣ и въ Синаѣ. Въ то же время Іерусалимскаго королевства

---

[1]) Срав. о семъ нашу статью въ *Душеп. Чтеніи* за 1891 г. № 12: *Отношеніе архим. Леонида (Кавелина) къ Святогробскому Братству.*

основано было множество римско-католическихъ мужскихъ и женскихъ монастырей съ цѣлію пропаганды латинства между мѣстнымъ населеніемъ иновѣрнымъ и православнымъ, увеличено число клириковъ и т. д. Далѣе, когда кончилось владычество крестоносцевъ въ Іерусалимѣ, но еще не кончилось въ Константинополѣ и другихъ странахъ востока, какъ бы взамѣнъ изгнанныхъ изъ Палестины крестоносцевъ, основались тамъ францискане. Основатель ордена францисканцевъ Францискъ изъ Асижа (города въ Неаполитанскомъ королевствѣ) въ 1219 году высадился въ Птолемандѣ (нынѣшней Акрѣ), съ 12-ю монахами ордена своего имени, и за тѣмъ въ Палестинѣ, благодаря энергической, настойчивой дѣятельности миссіонерской, великими трудами и достойнымъ удивленія терпѣніемъ достигъ того, что умирая, оставилъ множество учениковъ въ самой Акрѣ и въ Іерусалимѣ. Въ 1291 году всѣ францискане были перебиты мусульманами, и латинская іерархія въ Палестинѣ, съ латинскимъ патріархомъ Іерусалимскимъ во главѣ, упразднена была. Но не исчезло преданіе о блестящемъ положеніи ея тамъ во времена Іерусалимскаго королевства; не всѣ же и францискане были перебиты. Ихъ много было въ Европѣ, и на мѣсто перебитыхъ въ Палестинѣ въ 1291 году, вскорѣ же послѣ того прибыла туда новая партія францисканскихъ монаховъ, и уже въ 1229 году эти монахи получили нѣкоторыя права. Мусульмане, въ виду внѣшнихъ правилъ монаховъ францисканскаго ордена принимая ихъ за дервишей, оказывали имъ вниманіе и уваженіе, уступили имъ жилище на Сіонѣ и позволили нѣсколькимъ изъ членовъ ордена пребывать и въ храмѣ Гроба Господня. Папа Климентъ VI, особою буллою 1342 года подтвердилъ ихъ духовныя права; а Санха, супруга Сицилійскаго короля Роберта, приказала построить на горѣ Сіонѣ прекрасный монастырь на 12 монаховъ и 3 братій, съ обезпеченіемъ полнаго содержанія ихъ. За тѣмъ въ 1368 году мусульмане перебили всѣхъ ихъ поголовно; убіеніе повторилось также и въ 1391, въ 1482 и другихъ годахъ; но на мѣсто убитыхъ опять являлись новые. Въ 1551 году, подъ тѣмъ предлогомъ, что гора Сіонъ занимаетъ господствующее положеніе надъ Іерусалимомъ и можетъ быть опасна въ военномъ отношеніи для турокъ въ случаѣ нападенія на нихъ со стороны христіанъ, равно

какъ и для того, чтобы „псы гяуры“ не владѣли гробомъ Давида, къ которому и турки питаютъ большое уваженіе, францисканъ совсѣмъ выгнали изъ Сіонскаго монастыря, и монастырская церковь обращена была въ мечеть. Но вскорѣ же сами турки, по ходатайству францисканъ, взамѣнъ Сіонскаго монастыря, уступили имъ за небольшую сумму церковь и монастырь Спасителя, принадлежавшіе прежде грузинамъ, по обѣднѣнію послѣднихъ, пришедшіе въ запустѣніе. Монастырь Спасителя находился внутри города. Въ то время разгара реформаціоннаго движенія на западѣ, всеобщаго почти недовольства папизмомъ, латинство не могло имѣть и не имѣло большаго значенія на востокѣ, а тѣмъ болѣе преобладанія по сравненію съ греками въ завѣдываніи святыми мѣстами; однако неуклонно шло къ разъ намѣченной цѣли и не только не теряло пріобрѣтеннаго, но и постепенно, хотя и понемногу, увеличивало свои пріобрѣтенія; а въ концѣ XVII столѣтія, когда Франція, всегдашняя и естественная покровительница римскихъ католиковъ на востокѣ, при королѣ Людовикѣ XIV, весьма усилилась политически и стала грозить даже могуществу Турціи, послѣдняя, въ угоду настояніямъ Франціи, въ свою очередь побуждаемой папою и францисканами, отдала было первенство латинству предъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями, въ томъ числѣ и православнымъ, въ обладаніи и завѣдываніи святыми мѣстами. Это было именно съ 1689 года [1]). И патріархамъ Іерусалимскимъ православнымъ стоило большаго труда, продолжительныхъ усилій и большихъ издержекъ [2]) возвратить себѣ хотя часть исконныхъ правъ своихъ. Только XVIII вѣкъ, когда то подготовлялась, а то и разразилась революція, далеко не способствовавшая сосредоточенію вниманія запада на святыхъ мѣстахъ востока, оказался благопріятнымъ къ тому времени, особенно благодаря силѣ оружія Россіи, всегда благодѣтельствовавшей православному востоку своею милостынею, а не рѣдко и дипломатическими переговорами и требовані-

[1]) См. о семъ въ упомянутой диссертаціи И. О. Кантерева, стр. 293.

[2]) Мусульмане ничего и ни для кого изъ христіанъ не дѣлали и не дѣлаютъ безъ подкупа, и на подкупъ, задариваніе турецкихъ чиновниковъ много ушло и уходитъ денегъ какъ въ православной Іерусалимской патріархіи, такъ и у представителей разныхъ инославныхъ исповѣданій, находящихся въ Іерусалимѣ.

ями или даже войною выступавшей на защиту его противъ турокъ, въ современное же революціи, блестящее царствованіе императрицы Екатерины II и военными успѣхами давшей понять туркамъ, что они не непобѣдимы и что голосомъ Россіи въ пользу православныхъ христіанъ востока пренебрегать имъ не приходится. Такъ снова мало по малу возстановлено было равновѣсіе въ положеніи христіанскихъ исповѣданій на святой землѣ съ преобладающимъ значеніемъ православнаго Іерусалимскаго патріарха въ этомъ положеніи, чему не препятствовала и продолжавшаяся связь францисканъ съ Римомъ въ видахъ поддержки и усиленія римско-католическаго вліянія и престижа на востокѣ [1]). Ибо находясь въ зависимости отъ генерала своего ордена, пребывающаго въ Римѣ, францискане управлялись въ Іерусалимѣ особымъ совѣтомъ — дискреторіумомъ, который состоитъ изъ настоятеля—ревērендиссимуса, носящаго титулъ стража (custos) святой земли и хранителя Сіонской горы, по національности долженствующаго быть непремѣнно итальянцемъ, за тѣмъ,—изъ викарія—француза, прокуратора — испанца и шести членовъ, избираемыхъ по ровну отъ трехъ тѣхъ же націй. Со времени французской революціи до недавняго сравнительно времени французы въ совѣтѣ не участвовали, и мѣста, имъ принадлежащія, занимали попеременно итальянцы и испанцы; а такъ какъ уже издавна и католическая Австрія много высылала ежегодно денежныхъ приношеній на поддержаніе святыхъ мѣстъ и латинскаго престижа въ нихъ, то и она давно стала выражать притязаніе на извѣстную долю значенія во вліяніи на святогробскія дѣла, какое имѣли на нихъ францискане съ представителями означенныхъ римско-католическихъ націй.

При всемъ томъ, ни францискане, какъ главные представители латинства въ святой землѣ, ни представители римско-католическихъ націй, ни само папство, вплоть до самаго обостренія восточнаго вопроса въ 1840-хъ годахъ текущаго столѣтія не имѣли большаго, замѣтнаго успѣха

[1]) Кромѣ францисканъ, до 1840 года въ Палестинѣ мы встрѣчаемъ еще лишь Кармелитовъ. Но ни кармелиты, ни другіе представители латинства на востокѣ, а тѣмъ болѣе уніаты, не имѣли такого значенія тамъ, какое имѣли францискане.

не только въ политическомъ, но и въ религіозно-миссіонерскомъ отношеніяхъ. Число римско-католическихъ поклонниковъ считалось не болѣе какъ десятками въ годъ; обращенныхъ въ латинство—до $3\frac{1}{2}$ тысячъ за цѣлое, да и то послѣднее столѣтіе; паства латинская за послѣднее время разсматриваемаго періода едва достигала до 1000 человѣкъ во всей святой землѣ. Главною заботою латинства и францисканъ, согласно вышесказанному, было сохраненіе пріобрѣтенныхъ и пріобрѣтеніе новыхъ святыхъ мѣстъ. Совсѣмъ иное видимъ мы съ 1840-хъ годовъ.

Возстановленіе такъ называемаго политическаго равновѣсія державъ въ первой четверти текущаго столѣтія послѣ ужасовъ Французской революціи и захватовъ Наполеона I Бонапарте, будучи само по себѣ дѣломъ добрымъ, въ свою очередь, породило новыя затрудненія, поставило новыя препятствія къ обезпеченію полнаго спокойствія народовъ. Ревнивое наблюденіе державъ одной за другою, постоянное почти соперничество ихъ въ упроченіи своего вліянія на дѣла политическія, ежеминутное опасеніе за паденіе своего престижа и за усиленіе престижа другой державы и под. стали теперь источникомъ этихъ затрудненій и постоянно грозили нарушеніемъ равновѣсія, разрывомъ дипломатическихъ сношеній, наконецъ войною. Особенно безпокоило западныя державы усиленіе могущества Россіи, этого сѣвернаго медвѣдя, какъ выражались на западѣ и югѣ, и на оборотъ, постепенное ослабленіе могущества Турціи, въ предѣлахъ которой было такъ много дорогаго для всѣхъ христіанъ и которую, какъ думали на западѣ, Россія хотѣла уничтожить, чтобы стать на мѣсто ея на всемъ пространствѣ ея владычества. Какъ само собою понятно, важнѣйшимъ вопросомъ въ этомъ отношеніи былъ вопросъ о святыхъ мѣстахъ Палестины, изъ-за котораго державы имѣли самый благовидный предлогъ выражать помянутое соперничество свое.

Едва только кончилась Лондонская конференція 1840 года, по постановленію которой Египетскій паша Мегметъ-Али долженъ былъ очистить Палестину, возвращенную Оттоманской имперіи и едва только Египетскія войска покинули святую землю, а турецкій гарнизонъ вступилъ въ Іерусалимъ, какъ починъ новому обороту дѣлъ въ Іерусалимѣ и

Палестинѣ сдѣлала протестанская держава — Пруссія. Въ началѣ февраля 1841 года Прусское правительство обратилось къ Англійскому съ предложеніемъ, чтобы обѣ протестантскія державы соединились вмѣстѣ для доставленія христіанамъ протестантскаго исповѣданія защиты и безопасности въ Палестинѣ и чтобы въ Іерусалимѣ, если возможно у святаго Гроба или на горѣ Сіонѣ, соорудить для нихъ храмъ. Часть расходовъ на это сооруженіе Пруссія принимала на себя, также какъ и издержки на обезпеченіе защиты протестантовъ, а другую часть должна была принять на себя Англія; Англіи же Пруссія предоставляла и почпнъ предложенія о томъ прочимъ великимъ державамъ, взявшимъ на себя заботу объ охраненіи политическаго равновѣсія. Англія однако отклонила это предложеніе. Тогда Пруссія отъ себя обратилась къ пяти великимъ державамъ съ предложеніемъ проекта, которымъ власть Турціи надъ святыми мѣстами весьма ограничивалась совокупнымъ охраненіемъ ихъ со стороны всѣхъ великихъ державъ при помощи ихъ представителей и смѣшаннаго гарнизона, въ составъ христіанскихъ общинъ Іерусалима и Палестины (римско-католической, греческой и армянской) включалась и евангелическая — протестантская, завѣдываніе же этими общинами предоставлялось тремъ резидентамъ: одному—для римскихъ католиковъ, греко-и армяно-католиковъ, назначаемому попеременно Австріею и Франціею, другому для грековъ и армянъ, назначаемомъ Россіею и третьему—для протестантовъ, назначаемому поперемѣнно Англіею и Пруссіею. Этотъ проектъ, коимъ устанавливался status in statu съ одной и не обезпечивалась безопасность положенія святой земли съ другой стороны, конечно, не могъ разчитывать на практическое примѣненіе. Одни державы уклонились отъ прямаго отвѣта на предложеніе прусскаго правительства, другія выжидали отвѣта болѣе сильныхъ въ то время державъ, и только Россія, тремя послѣдовательными нотами (отъ 20 и 25 февраля и 12 марта 1841 года), подписанными графомъ Нессельроде, рѣшительно высказалась противъ Прусскихъ предложеній и въ свою очередь предлагала нѣкоторыя мѣропріятія къ улучшенію положенія дѣлъ на востокѣ. Въ числѣ этихъ мѣропріятій были слѣдующія: подтвержденіе Турціею прежнихъ договоровъ и при-

виллегій; возвращеніе Іерусалимскаго патріарха изъ Константинополя, гдѣ онъ жилъ ради своей безопасности, къ своей паствѣ и расширеніе правъ русскихъ поклонниковъ и русскаго духовенства въ святой землѣ. Русскія предложенія, по крайней мѣрѣ въ то время, также не были приняты державами. Между тѣмъ король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV, отличавшійся мистически-религіознымъ настроеніемъ, вовсе не желалъ оставить свою прежнюю мысль — дать возможность и протестантамъ утвердиться въ центрѣ христіанства—Іерусалимѣ—безъ осуществленія. Съ помощію извѣстнаго ученаго и вмѣстѣ политическаго дѣятеля Хр. Ос. Бунзена, имѣвшаго связи и съ Англіей, ему удалось достигнуть того, что въ томъ же 1841 году Англія согласилась на учрежденіе протестантской общины въ Палестинѣ съ епископомъ во главѣ, при чемъ епископъ долженъ былъ попеременно быть назначаемъ Англіей и Пруссіей. Первымъ епископомъ назначенъ былъ отъ Англіи Александеръ, который и прибылъ въ Іерусалимъ въ 1842 году, снабженный „инструкціями отъ архіепископа Кентерберійскаго [1]) и средствами — отъ Общества обращенія евреевъ. Правда, Турецкое правительство приняло его лишь какъ знатнаго англичанина, а не какъ главу протестантской общины въ Палестинѣ: однако починъ былъ сдѣланъ,—и этого уже было довольно. При томъ, на сколько безцвѣтна была личность Александера, на столько же, напротивъ, оказался весьма умнымъ и дѣятельнымъ преемникомъ его (съ 1847 года) Гобатъ (+ 1879), назначенный Прусскимъ правительствомъ. Онъ главное вниманіе обратилъ на устройство школъ и миссіонерство и не смотря на противодѣйствіе Англіи, видѣвшей въ немъ радѣтеля интересовъ Германіи, а не Англіи, успѣлъ весьма много сдѣлать въ пользу протестантства въ святой землѣ. А между тѣмъ къ нему во время пришли на помощь и протестантскіе миссіонеры, всюду въ Палестинѣ внося свое культурное вліяніе и завоевывая симпатіи мѣстнаго населенія своею заботливостію объ улучшеніи его быта, воздѣйствуя на подъемъ его самосознанія,

---

[1]) Уже въ первомъ окружномъ посланіи архіепископа по дѣлу объ учрежденіи епископства въ Палестинѣ проглядывало пренебрежительное отношеніе къ „менѣе совершенно устроеннымъ протестантскимъ церквамъ Европы",—менѣе, очевидно, нежели англиканская епископальная церковь.

забитаго долговременнымъ рабствомъ, а чрезъ то нерѣдко совращая и православныхъ въ протестантство. Само собою разумѣется, что такъ дѣйствуя въ религіозномъ и культурномъ отношеніи, протестанты въ Палестинѣ содѣйствовали утвержденію и политическаго вліянія протестантскихъ державъ, въ свою очередь пользуясь ихъ поддержкою въ случаѣ надобности. Плоды же успѣховъ дѣятельности ихъ тамъ видны уже изъ того, что между тѣмъ какъ вся паства перваго епископа Александера, по прибытіи его въ Іерусалимъ, состояла лишь изъ трехъ обращенныхъ въ протестанство еврейскихъ семействъ, въ настоящее время протестантовъ въ Палестинѣ числится уже болѣе 2000 человѣкъ, а учрежденія протестантскія: молитвенные дома [1]), учебныя заведенія, страннопріемные дома и проч. усѣяли собою во множествѣ всю святую землю отъ Яффы до внутреннѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ ея; болѣе же всего ихъ, конечно, въ Іерусалимѣ. И не удивительно, если протестанты, и главнымъ образомъ нѣмцы [2]), особенно съ постепеннымъ усиленіемъ могущества и политическаго значенія Германской Имперіи, стоящей во главѣ тройной лиги, въ своихъ проектахъ будущаго раздѣла Турціи, выдѣляя однимъ державамъ одни, другимъ другія части ея, Палестину оставляютъ для себя. Такъ, напримѣръ, извѣстный натуралистъ, профессоръ Геккель, въ своихъ воспоминаніяхъ о путешествіи въ историческія страны Азіи и Африки, неодобрительно отзываясь о намѣреніи могучаго царства (des gewaltigen Zarenreichs) — Россіи утвердиться въ Бейрутѣ и Іерусалимѣ и указывая для нея естественное и широкое поприще въ Средней Азіи (куда отсылаетъ и Турецкаго султана съ его магометанскими подданными, далѣе говоритъ: „когда я въ первый разъ въ 1887 года вступилъ на почву Палестины и тотчасъ по прибытіи увидалъ цвѣтущую нѣмецкую колонію въ Яффѣ, когда я засталъ въ цвѣтущихъ апельсинныхъ садахъ за работой швабскихъ крестьянъ, а въ Виртембергской школѣ услыхалъ пѣніе свѣтлокудрыхъ и сине-

---

[1]) Въ послѣднее время устроена и церковь протестантская.

[2]) Англичане и раньше, какъ мы могли видѣть, не сочувствовали единенію съ протестантами — нѣмцами, а послѣ и совсѣмъ обособились отъ нихъ.

глазыхъ дѣтей, пѣвшихъ мнѣ нѣмецкія народныя пѣсни, тогда сама собой явилась во мнѣ мысль, чѣмъ можетъ стать эта великолѣпная, щедро одаренная всѣми благороднѣйшими дарами природы страна, если ея богатыя, нынѣ разоренныя, запустѣлыя и заброшенныя пажити перейдутъ во владѣніе нѣмцевъ, если нѣмецкое прилежаніе и нѣмецкій умъ обработаютъ цѣнныя, подъ спудомъ много вѣковъ лежащія сокровища этой классической почвы? Продолжая путь на сѣверъ, когда я увидѣлъ важное участіе нѣмецкихъ и австрійскихъ купцовъ въ международной торговлѣ въ Смирнѣ и Бейрутѣ, эта мысль получила новое подтвержденіе. Въ бесѣдахъ съ *единомысленными* мѣстными купцами громко и ясно высказывалось желаніе и надежда, чтобы восточные берега Средиземнаго моря, при раздѣлѣ Турціи, поступили на долю Австріи и Германіи. Здѣсь лежитъ почва, на которой наше отечество можетъ завести свои земледѣльческія колоніи и вступить въ мирное состязаніе съ другими великими культурными народами Европы [1]). Таковы вожделѣнія нѣмецкихъ культуртрегеровъ, вездѣ (между прочимъ и въ Россіи) ищущихъ почвы для колонизаціи при тѣснотѣ помѣщенія въ своемъ отечествѣ и вездѣ тяготѣющихъ къ своему фатерланду, а колонизація эта всегда сопровождается и распространеніемъ раціоналистическихъ религіозныхъ понятій среди народа, въ которомъ распространяются нѣмецкіе колонисты. Чисто миссіонерскія, независимыя отъ культурныхъ, стремленія рѣдки у нѣмецкихъ протестантовъ; да и такія, т. е. чисто миссіонерскія, стремленія, въ виду особенностей Евангелическаго именно протестантскаго исповѣданія, при ихъ осуществленіи на той или другой, особливо же православной, почвѣ, болѣе ограниченія требовали бы, нежели поощренія. Такъ смотритъ на дѣло не только строгое православіе, но и римскій католицизмъ, порожденіемъ котораго было протестантство.

На учрежденіе протестантскаго епископства въ Іеруса-

---

[1]) *Сообщенія И. П. Палестинскаго Общества* т. II, стр. 218. Спб. 1891. При этомъ справедливо добавляется: „Замѣчательно, что нѣмецкій путешественникъ видѣлъ только благодатную почву и нѣмцевъ и совсѣмъ просмотрѣлъ густое туземное населеніе, имѣющее несомнѣнно большія права на эту почву, чѣмъ свѣтловолосые и голубоглазые колонисты, ожидаемые изъ Германіи“.—Тамъ же, стр. 219.

лимѣ глава римско-католической церкви папа Пій IX отвѣтилъ возстановленіемъ въ 1846 году латинскаго Іерусалимскаго патріархата, во времена крестовыхъ походовъ учрежденнаго, а по удаленіи крестоносцевъ изъ Іерусалима остававшагося лишь титулярнымъ (in partibus infidelium), съ пребываніемъ титулярнаго латинскаго Іерусалимскаго патріарха въ Римѣ, при папѣ. Ясно, что папѣ хотѣлось чрезъ такое возстановленіе, въ противовѣсъ протестантству, усилить и утвердить вліяніе и значеніе латинства, главными представителями котораго въ Палестинѣ дотолѣ были францискане. Выборъ лица для такой цѣли со стороны папы былъ весьма удаченъ. Латинскимъ патріархомъ въ Іерусалимъ назначенъ былъ Іосифъ Валерга, долгое время бывшій миссіонеромъ, хорошо знавшій нѣсколько восточныхъ языковъ, человѣкъ ума замѣчательно тонкаго, дальновиднаго, дипломатическаго, вполнѣ преданный своему дѣлу, изобрѣтательный, къ тому же и внѣшнею фигурою весьма подходящій къ своему новому назначенію: его загорѣлое лицо, чисто восточнаго типа, его длинная бѣлая борода [1]), его блестящіе, черные [2]), полные жизни и энергіи глаза, — все это давало понять, что человѣкъ этотъ былъ какъ разъ на на своемъ мѣстѣ. А этотъ человѣкъ занималъ постъ латинскаго патріарха въ Іерусалимѣ цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ († 1872). Сколько же онъ могъ сдѣлать въ пользу разъ намѣченной и энергически преслѣдуемой цѣли! И онъ дѣйствительно много, очень много сдѣлалъ, не смотря на множество неудобствъ, которыя встрѣтилъ при своемъ прибытіи въ Іерусалимъ, не взирая на множество препятствій, возникавшихъ съ разныхъ сторонъ. Мы видѣли выше, какъ ограниченна была задача францисканъ, этихъ „стражей св. земли", до 1840 года и даже до прибытія Валерги въ Іерусалимъ и какъ незначительна была числомъ членовъ паства латинскато Іерусалимскаго патріархата въ то время. Валерга сразу рѣшилъ поставить дѣло иначе и гораздо шире. Какъ искусный стратегъ, онъ, которому папа, при отправленіи его въ Іерусалимъ, далъ только инструкціи, а средствъ не далъ и не обѣщалъ, принужденъ былъ составить свой

---

[1]) Когда Валерга былъ моложе, она была темнорыжая.

[2]) Описывавшіе его видъ раньше, находили глаза его голубыми.

планъ завоеванія и возвращенія Риму стариннаго Іерусалимскаго королевства. Видя, что въ самомъ Іерусалимѣ весьма сильны противныя Риму партіи и не имѣя средствъ бороться съ ними, онъ рѣшилъ прежде всего взяться за окрестности Іерусалима и ихъ подчинить власти папы. „Когда Іерусалимъ будетъ заключенъ въ тѣсный кругъ латинскихъ общинъ,—говорилъ Валерга, не скрывая отъ другихъ своего плана, — когда эти общины, постепенно расширяясь, будутъ стѣснять этотъ кругъ, тогда Іерусалимъ долженъ будетъ, въ концѣ концевъ, сдѣлаться латинскимъ“ [1]). Для достиженія такой цѣли однакоже, для выполненія такого плана, не говоря уже о денежныхъ средствахъ, особенно на востокѣ играющихъ важную роль, нужны было сотрудники; и такъ какъ на францисканъ, съ которыми Валерга уже на первыхъ порахъ вошелъ въ непріятныя отношенія [2]), надежды для него было мало, то онъ кликнулъ кличъ по всей римско-католической Европѣ, вызывая сотрудниковъ себѣ въ дѣлѣ, которое для каждаго римскаго католика было дорогимъ и святымъ дѣломъ. На этотъ кличъ отозвались многія и дотолѣ существовавшія и вновь возникшія общества, учрежденія и проч., оказавъ и обѣщавъ оказывать ему помощь и деньгами и людьми, — многіе миссіонеры, ученые, представители власти и друг. До 20-ти монашескихъ орденовъ, миссіонерскихъ, ученыхъ и иныхъ обществъ, множество лицъ бѣлаго духовенства, благочестивыхъ паломниковъ и т. д. выступили мало по малу на содѣйствіе латинскому Іерусалимскому патріархату. Повсемѣстно въ Палестинѣ стали, благодаря этому, воздвигаться латинскія церкви, часовни, школы, страннопріемные дома и т. п., быстро начало возрастать число лицъ римско-католическаго

---

[1]) См. статью В. Н. Хитрово: „Православіе въ святой землѣ“ въ I т. вып. I *Православнаго Палестинскаго Сборника*, стр. 33. Спб. 1881.

[2]) Дѣло въ томъ, что явившись въ Іерусалимъ безъ средствъ и по неволѣ сдѣлавшись только гостемъ францисканъ по началу, Валерга естественно разсчитывалъ, что по крайней мѣрѣ часть доходовъ францисканскихъ монаховъ будетъ въ его полномъ распоряженіи. Францискане же не хотѣли уступать ему ни своихъ правъ ни доходовъ, хотя бóльшая часть сихъ послѣднихъ шла изъ Европы на то же дѣло, ради котораго прибылъ и Валерга. И лишь съ большимъ трудомъ, при содѣйствіи Франціи и самого папы, Валерга наконецъ (послѣ Крымской войны) добился того, что всѣ доходы францисканъ стали поступать въ его полное распоряженіе.

исповѣданія подъ воздѣйствіемъ латинской пропаганды, причемъ весьма многіе совращены были въ латинство изъ православія; число латинскихъ приходовъ значительно увеличилось и всѣ латинскія учрежденія такъ тѣсно сплотились вокругъ Іерусалима, оцѣпили его уже въ концѣ патріаршества Валерги, что умирая, онъ могъ видѣть изъ окна своего помѣщенія [1]) предначертанную имъ цѣль почти уже достигнутою. А по стопамъ его шли и преемники его въ патріаршествѣ: бывшій его викарій Викентій Бракко († 1889) и теперешній патріархъ, уже извѣстный намъ Людовикъ Піави, такъ что теперь въ Палестинѣ, при 27,000 православнаго населенія, имѣется уже 14,000 латинянъ, а если присоединить къ тому 11,000 уніатовъ, то число лицъ подвластныхъ римскому папѣ въ Палестинѣ окажется почти равнымъ числу православныхъ, тогда какъ въ 1800 году латинянъ въ Палестинѣ было не болѣе 800 и въ 1848 году не болѣе 2000. Самыя латинскія учрежденія теперь во множествѣ находятся не только въ окрестностяхъ Іерусалима, но и въ самомъ Іерусалимѣ, и если прежде между латинянами (францисканами) и не латинянами (преимущественно православными) борьба ожесточенная часто возгаралась изъ-за одной пяди святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ, то теперь она упорно, послѣдовательно и далеко не безъ успѣха ведется также и едва не изъ-за каждаго клочка свободной земли въ Іерусалимѣ и Палестинѣ. Короче сказать, латинство настойчиво стремится, съ возстановленіемъ своего патріархата, возстановить и владѣніе святою землею,—возстановить латинское королевство Іерусалимское, вѣроятно съ какимъ либо ставленникомъ папы, если не съ самимъ папою [2]), во главѣ... Уже не чрезъ это ли папа Левъ XIII надѣется „возвратить восточнымъ церквамъ ихъ прежній блескъ“, о которомъ говорено было раньше? По крайней мѣрѣ, Евхаристическій конгрессъ прошедшаго года, со всею его обстановкою, давалъ ясно понять, что въ положительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ есть значительная

---

[1]) Латинскій патріархъ имѣетъ помѣщеніе обширное, построенное Валергою, въ одномъ кварталѣ съ храмомъ Воскресенія, недалеко отъ прежняго, выходившаго фасадомъ на главную Іерусалимскую площадь близъ означеннаго храма.

[2]) Раньше мы замѣчали, что папа римскій, послѣ потери свѣтской вла-

доля правды. Тотъ же конгрессъ могъ свидѣтельствовать и о томъ, на сколько болѣе содѣйствія, нежели противодѣйствія осуществленію завѣтныхъ цѣлей латинства въ Палестинѣ могли бы оказать, не говоря о римско-католическихъ державахъ, и всѣ существующіе въ Палестинѣ и Малой Азіи разноплеменные уніаты, въ силу уже извѣстнаго намъ порядка, по которому унія для Рима служила и служитъ лишь переходною ступенью къ латинству.

Теперь спрашивается: что же съ 1840 года дѣлалъ и доселѣ дѣлаетъ, для охраненія православія, исконный и законный обладатель святыхъ мѣстъ Палестины православный Іерусалимскій патріархатъ? Къ сожалѣнію, на сколько въ предшествующій періодъ исторіи своей онъ являлся и оказался вполнѣ на высотѣ своего призванія, на столько же со времени усиленія инославной пропаганды въ Палестинѣ и перемѣны политическаго настроенія въ положеніи и постановкѣ такъ называемаго восточнаго вопроса Іерусалимскій патріархатъ далеко не вполнѣ устоялъ или, по крайней мѣрѣ, не всегда стоялъ на этой высотѣ. Правда, причины этого прискорбнаго во истину явленія не всегда заключались въ самихъ патріархахъ Іерусалимскихъ; но во многомъ онѣ крылись и кроются въ самомъ же патріархатѣ, или лучше и точнѣе, въ святогробскомъ братствѣ.

Мы уже раньше отмѣчали ту сторону дѣла въ этомъ отношеніи, что со времени патріарха Германа II установлено было за правило, чтобы патріархъ Іерусалимскій избираемъ былъ непремѣнно изъ грековъ, съ отстраненіемъ отъ сего представителей другихъ національностей. Это нововведеніе не имѣло для себя основаній ни въ каноническихъ установленіяхъ церкви вселенской православной, ни въ историческихъ опытахъ временъ прошедшихъ. Когда въ 1867 году греко-болгарская распря удручала положеніе церкви вселенской и греки, съ Константинопольскимъ патріархомъ во главѣ, защищая свои права на іерархическое преобладаніе надъ болгарскою народностію, стали даже въ оффиціальныхъ актахъ утверждать такія несообразности, что будто

сти въ Римѣ, отъ которой въ принципѣ и доселѣ не отказывается, какъ бы невольно обратилъ взоры свои на Іерусалимъ, какъ на почву, наиболѣе благопріятную для осуществленія своихъ вожделѣній на счетъ возвращенія себѣ свѣтской власти.

бы „греческій народъ есть первозванный изъ языковъ“ или что даже „пребываніе вселенской церкви непогрѣшительною и непорочною безъ греческой невозможно“, и под., то мудрый святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій, мнѣнія котораго требовали по многимъ вопросамъ, касавшимся православнаго востока, на эти утвержденія отвѣчалъ слѣдующими, напримѣръ, словами: „*Пребываніе вселенской церкви непогрѣшительною и непорочною безъ греческой невозможно.* Это сказано безъ основанія. Ни Христосъ Спаситель, ни соборы, ни святые отцы никогда не привязывали судьбы вселенской церкви къ одному какому либо народу. Соборы дали первенство епископу Римской церкви; Константинопольскаго патріарха поставили вторымъ. Отпалъ Римскій епископъ съ своею церковію: остался первенствующимъ Константинопольскій патріархъ, и вселенская православная церковь осталась непорочною, какъ была. Если бы (отъ чего да сохранитъ Богъ) поколебался въ вѣрѣ Константинопольскій патріархъ: вселенская церковь осталась бы тѣмъ же, чѣмъ была, съ патріархами Антіохійскимъ, Іерусалимскимъ, Александрійскимъ и Всероссійскимъ Святѣйшимъ Синодомъ. Нѣчто подобное можно видѣть въ Ветхозавѣтной церкви. Въ началѣ скинія въ Палестинѣ стояла въ колѣнѣ Ефремовомъ, и оно, съ Іисусомъ Навиномъ, первенствовало. Потомъ первенствовалъ Іерусалимъ съ храмомъ и царемъ. Далѣе десять колѣнъ, въ числѣ ихъ и древле первенствовавшее колѣно Ефремово, отпали; это не помѣшало истинной вселенской церкви оставаться въ Іерусалимѣ и въ двухъ колѣнахъ“ [1]). И на другое утвержденіе, будто *греческій народъ* есть *первозванный изъ языковъ:* „На чемъ это основано? При сошествіи Святаго Духа являются Парѳяне, Мидяне, Еламиты, Понтійцы, Фригійцы, Ливіяне, Римляне, Критяне, Аравляне, и кто изъ нихъ прежде увѣровалъ, не извѣстно. Потомъ Филиппъ обратилъ къ христіанству евнуха Еѳіоплянина. Потомъ Петръ крестилъ Корнилія Римлянина. Потомъ основалась первая изъ языковъ церковь въ Антіохіи, гдѣ коренное народонаселеніе Сирское. Изъ пяти первыхъ учителей сей церкви трое

[1]) *Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Моск. Филарета по дѣламъ правосл. церкви на востокѣ.* Стр. 360—370. Спб. 1886.

имѣютъ еврейскія имена и двое римскія: *Нигеръ*, *Лукій*. Все сіе не ведетъ къ тому заключенію, что *греческій народъ* есть *первозванный изъ языковъ*" [1]). Добавимъ къ тому, что и въ самой Іерусалимской церкви по началу являются епископы и съ еврейскими (св. Іаковъ, св. Симеонъ, Іуда и другіе), и съ римскими (Сенека, Іустъ II, Публій и др.) именами и съ именами другихъ народностей, входившихъ въ составъ паствы Іерусалимской церкви (такъ какъ ради блага самой паствы, естественно, и сами предстоятели ея, пастыри, изъ которыхъ избираемъ былъ епископъ, бывали обыкновенно одной съ нею народности, изъ нея же самой чаще всего выходили) [2]). Не забудемъ и того, что въ средневѣковую эпоху, по признанію самихъ патріарховъ изъ грековъ (извѣстнаго намъ Досиоея II напр.), патріархи Іерусалимскіе часто, а иногда и подрядъ, бывали изъ арабовъ. Но вотъ со времени Германа II (1534—1579), какъ мы говорили, было установлено, чтобы патріархами Іерусалимскими были избираемы только лица происхожденія греческаго и притомъ по указанію предшественника избираемъ былъ ему преемникъ. Такъ дѣло и велось до самаго наступленія новаго періода въ исторіи Іерусалимскаго патріархата, т. е. до кончины патріарха Аоанасія V (въ 1845 году). И такъ какъ въ Іерусалимѣ избраніе патріарха всецѣло зависѣло отъ самого же святогробскаго братства, изъ среды котораго и избирался патріархъ, султанъ же Турецкій только утверждалъ избраннаго, между тѣмъ какъ въ Константинополѣ, напримѣръ,— этомъ центрѣ высшаго управленія всею Оттоманскою имперіею, избраніе патріарха постоянно было въ зависимости отъ капризовъ султана, визиря и т. д., то легко объясняется причина того явленія, что въ теченіи 300 слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ со времени Германа II до кончины Аоанасія V на престолѣ церкви Іерусалимской возсѣдало только шестнадцать патріарховъ, со включеніемъ и этихъ двухъ [1]), тогда какъ въ Константинополѣ за то же время смѣнилось 120 патріарховъ. И всѣ попытки святогробцевъ арабскаго происхожденія возвратить старинное право воз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 370—371. Срав. также стр. 340—343 и др.

[2]) Срав. для сего тамъ же, стр. 362. 343. 344 и др.

веденія въ санъ патріарховъ и лицъ ихъ происхожденія не имѣли успѣха. Чѣмъ это объяснить? Историкъ Іерусалимскаго патріархата Досиѳей II объясняетъ сознаніемъ неудовлетворительности патріарховъ изъ арабовъ для исполненія своего назначенія, доказанной опытомъ временъ предшествовавшихъ. Но спрашивается, неужели всѣ арабы поголовно или, точнѣе, всѣ лица *негреческаго* происхожденія и всегда были неудовлетворительными и даже не могли быть удовлетворительными когда либо для означенной цѣли? Не крылись ли и не кроются ли здѣсь другія побужденія? Во времена Германа II не стояло ли это въ связи съ положеніемъ, которое началъ мало по малу, на первыхъ порахъ независимо отъ всякихъ своихъ исканій, по волѣ султана, а затѣмъ и сознательно, занимать патріархъ Константинопольскій, какъ главный представитель всѣхъ православныхъ христіанъ Оттоманской имперіи? [2]). А при такомъ положеніи патріарху Константинопольскому естественно было желать, чтобы остальные восточные православные патріархи были не только въ догматическихъ и каноническихъ, но и во всѣхъ другихъ вопросахъ и интересахъ съ нимъ согласны. На патріарховъ же негреческаго происхожденія, или ближе, не имъ самимъ намѣченныхъ къ избранію, онъ не всегда могъ положиться. Не даромъ же въ самомъ дѣлѣ патріархи Іерусалимскіе со временъ Германа почти безвыѣздно жили въ Константинополѣ, безъ всякой надобности оставляя свою паству и поручая управленіе ею намѣстникамъ своимъ, а въ Константинополѣ представляя собой почти лишь членовъ Константинопольскаго патріаршаго Синода, пока уже въ 1840-хъ годахъ текущаго столѣтія Русское правительство, какъ мы видѣли, не потребовало возвращенія Іерусалимскаго патріарха къ своей паствѣ.

---

[1]) Именно Германъ II (1534—1579), Софроній V (1579—1607), Ѳеофанъ IV (1608—1644), Паисій I (1645—1661), Нектарій (1661—1669), Досиѳей II (1669—1707), Хрисанѳъ (1707—1731), Мелетій (1732—1737), Парѳеній (1737—1766), Ефремъ II (1766—1771), Софроній VI (1771—1774), Авраамій (1775—1787), Прокопій I (1787—1788), Анѳимъ (1788—1808), Поликарпъ (1808—1827) и Аѳанасій V (1827—1845).

[2]) Дѣло въ томъ, что Турціи, въ видахъ централизаціи управленія, удобнѣе было вести всѣ церковныя дѣла православныхъ христіанъ, ей подданныхъ, чрезъ одинъ органъ—Константинопольскую патріархію.

Между тѣмъ въ 1820-хъ къ этому обстоятельству, не вполнѣ утѣшительному съ точки зрѣнія истиннаго древняго православія, ставившему греческую церковь на почву основныхъ воззрѣній церкви латинской, а патріарха Константинопольскаго поднимавшему, вопреки канонамъ церковнымъ, едва не до значенія папы Римскаго, присоединилось и другое, еще менѣе утѣшительное. Долго тяготѣвшее надъ греками иго турецкаго владычества, по крайней мѣрѣ въ той части ихъ, которая обитала ближе къ Европѣ, а не жила въ глубинѣ отдаленной отъ Европы Средиземнымъ моремъ Азіи и Африки, пробудило сильное желаніе освободиться отъ этого ига и породило, какъ извѣстно, греческое возстаніе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ образованіе Греческаго королевства. Но мы уже по прежнимъ статьямъ нашимъ [1]) знаемъ, какому вліянію подверглось устройство этого королевства и въ гражданскомъ и въ церковномъ отношеніяхъ. Худыя вѣянія, на ряду съ хорошими, носившіяся тогда въ западной Европѣ, сильно отразились на этомъ устройствѣ. Тѣ же вѣянія породили въ грекахъ и идею такъ называемаго панэллинизма, на которой стали теперь опираться тѣ, кому желательно было называть „греческій народъ первозваннымъ изъ языковъ“. Они же, т. е. эти вѣянія, конечно, вдохнули въ грековъ и руссофобство,— опасеніе, что сѣверный медвѣдь, надвинувшись на Константинополь и раздавивъ Турецкую имперію, уничтожитъ будто бы такимъ образомъ и греческую націю съ ея первенствующимъ значеніемъ въ этой имперіи. Подъ вліяніемъ этой идеи панэллинизма забывалось, конечно, и то, что греческая нація даже во всей Турецкой имперіи, не говоря уже о Греческомъ королевствѣ, составляетъ лишь незначительную долю по сравненію съ другими, не греческими и не православными, народностями этой имперіи, и то, сколько греки, во имя православія, въ теченіи ближайше прошедшихъ вѣковъ, получили добра и разнаго рода помощи отъ Россіи. Много зла произвела эта идея, и доселѣ не умершая въ грекахъ. Привилась она, съ своими вредными послѣдствіями, и Іерусалимскому патріархату, вспомоществуемая съ запада же воспринятыми стремленіями

---

[1]) См. „Богосл. Вѣстникъ“ 1893 г. №№ 7 и 8.

къ парламентаризму. Если еще послѣ смерти патріарха Аѳанасія V въ 1845, вопреки установившемуся обычаю, вмѣсто указаннаго имъ себѣ въ преемники архіепископа Ѳаворскаго Іероѳея [1]), избранъ былъ Кириллъ II, уроженецъ острова Крита, такое избраніе можно объяснить давленіемъ патріарха Константинопольскаго на выборы, то дальше мы видимъ и худшее сего. Патріархъ Кириллъ II (1845—1872), при многихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ своихъ, имѣлъ и недостатки, весьма неодобрительные въ его высокомъ положеніи: слабохарактерность, нерѣшительность, опрометчивость и под. Какъ избранный не по указанію своего предмѣстника, желая окружить себя, по перемѣщеніи въ Іерусалимъ на постоянное пребываніе, преданными лицами, онъ, пренебрегши прежними порядками, отстранилъ многихъ изъ прежнихъ членовъ святогробскаго Братства и вмѣсто нихъ набралъ новыхъ изъ уроженцовъ Архипелага, какъ наиболѣе ему близкихъ по происхожденію, а чрезъ это самъ же внесъ духъ раздѣленія, корыстолюбія и т. д. въ святогробское Братство, которое отплатило ему насильственнымъ смѣщеніемъ его же самого съ патріаршаго престола подъ предлогомъ его сочувствія къ Россіи (и онъ умеръ въ изгнаніи), а на самомъ дѣлѣ вслѣдствіе того, что онъ осмѣлился быть не одного мнѣнія съ патріархомъ Константинопольскимъ [2]). Изъ его преемниковъ Прокопій, чрезъ три года по его назначеніи (1873—1875), былъ низложенъ и конечно тѣми же, которые и возвели его на престолъ; слѣдовавшій за нимъ Іероѳей (1875—1884) также не долго былъ на престолѣ патріаршемъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, и скончался патріархомъ; а его преемникъ, подобно упомянутому выше Іероѳею, довольно долго жившій въ Россіи архіепископъ Ѳаворскій Никодимъ,

[1]) Архіепископъ Іероѳей извѣстенъ и въ Россіи по сбору милостыни, которую производилъ онъ въ 1833—1839 годахъ въ пользу святой земли. При содѣйствіи митрополита Московскаго Филарета и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, онъ собралъ этой милостыни за означенные годы до 300 тысячъ рублей. Съ 1851 года онъ былъ избранъ въ Антіохійскіе патріархи. Скончался въ 1885 г. Объ отношеніяхъ его къ Іерусалимскому патріарху Кириллу II см. въ *Собраніи мнѣній и отзывовъ митроп. Моск. Филарета по дѣламъ востока*, стр. 168. Спб. 1886.

[2]) Ибо въ дѣйствительности онъ далеко не всегда дѣйствовалъ въ интересахъ Россіи.

черезъ шесть лѣтъ послѣ своего избранія (1884—1890), принужденъ былъ, по интригамъ нѣкоторыхъ членовъ святогробскаго Братства, также за дружбу къ Россіи, отречься отъ престола. Самые выборы преемника отрекшемуся, о которыхъ подробности можно читать въ *Сообщеніяхъ Имп. Пр. Палестинскаго Общества* (т. II, стр. 3—10. Спб. 1891), свидѣтельствуютъ о силѣ зла, проникшаго въ соборъ святогробскаго Братства, до 1840 года жившаго лучшими, священными преданіями, нарушенными со времени введенія въ него Кирилломъ II новыхъ членовъ, болѣе, нежели прежніе святогробцы, зараженныхъ вѣяніями западныхъ идей. А отсюда—другое зло: святогробцы въ своемъ званіи по большей части стали искать только своей личной безопасности и выгоды и нерадѣть ни объ истинномъ благѣ паствы Іерусалимскаго патріархата, ни даже о честномъ исполненіи своихъ ближайшихъ обязанностей. Но и это все было бы не такъ грустно (—ибо когда же не бывало частныхъ проявленій своекорыстія и под.?), если бы времена были прежнія со стороны враговъ православія, которыхъ, какъ мы знаемъ изъ предшествующаго, такъ много развелось въ Палестинѣ съ 1840 года подъ именемъ римскихъ католиковъ и протестантовъ. Занятые внутренними неурядицами и личными интересами, члены святогробскаго Братства, не исключая иногда и патріарховъ, оставляли свою паству на расхищеніе волковъ. И она расхищается, едва не съ каждымъ годомъ уменьшаясь сотнями и даже тысячами членовъ, переходящихъ въ протестантство, а еще болѣе этого въ латинство. Не смотря на положительное воспрещеніе архіепископа Кентерберійскаго, данное первому протестантскому въ Палестинѣ епископу Александеру „вмѣшиваться въ дѣла подсудныя іерархамъ и другимъ высшимъ духовнымъ лицамъ управляющимъ восточною церковію", преемникъ Александера Гобатъ, публично заявивъ при самомъ своемъ посвященіи, „что одна только Англиканская церковь можетъ вдохнуть новый духъ въ пришедшую въ упадокъ и безжизненность восточную церковь", на первыхъ же порахъ началъ миссіонерскую пропаганду и между православнымъ населеніемъ Палестины [1]). А о ла-

[1]) „На мѣстѣ греческой церкви, заботившейся о благѣ Іерусалима во времена Византіи, и римской во времена крестовыхъ походовъ, читаемъ

типствѣ нечего и говорить въ этомъ отношеніи. Пусть лучше говорятъ о семъ сами латиняне, которые, какъ ни скрытно дѣйствуютъ [2]), однако нерѣдко обнаруживаютъ успѣхи своей пропаганды среди православнаго населенія Палестины. Такъ, напримѣръ, упомянутый латинскій патріархъ Викентій Бракко въ своемъ отчетѣ за 1886 годъ, представленномъ въ Общество св. Гроба, между прочимъ говоритъ о мѣстечкѣ Зебабде, что тамъ „немногіе остаются въ схизмѣ [3]), остальные жители всѣ католики. Дѣйствительно, — продолжаетъ онъ,—достойно удивленія то рвеніе, которое они выказываютъ въ изученіи католической вѣры, и настойчивость, съ которой они посылаютъ дѣтей въ школу, а женъ къ сестрамъ, которыя здѣсь образовали женскую конгрегацію“ [4]). Здѣсь виды и успѣхи латинской пропаганды и способы, какими достигаются эти успѣхи. Или вотъ слова отчета также упомянутаго раньше латинскаго патріарха Л. Піави за 1890 годъ, представленнаго въ то же Кельнское Общество: „церкви прилежно посѣщаются, школы вселяютъ самыя утѣшительныя надежды на подрастающее поколѣніе, уваженіе къ нашимъ миссіямъ среди схизматическаго населенія возрастаетъ, ибо оно собственными глазами убѣждается въ ихъ самопожертвованіи и отсутствіи корыстолюбія [5]). Вслѣдствіе этого благаго настроенія схизматическихъ грековъ, ко мнѣ поступаютъ постоянно отъ нихъ ходатайства о посылкѣ къ нимъ миссіонеровъ и основаніи у нихъ школъ. Даже нѣкоторые изъ этихъ схизматиковъ, сдѣлавшись нетерпѣливыми, въ виду моего выжидательнаго поло-

---

въ одномъ протестантскомъ повременномъ изданіи,—теперь на сцену выступаетъ протестантская церковь“. См. эту выдержку въ *Сообщен. П. Пр. Пал. Общ.* 1887 г. Январь, стр. 144.

[2]) Обыкновеннѣе всего, даже передъ западнымъ римско-католическимъ міромъ, латинскіе агенты Палестины жалуются на недостаточность средствъ для успѣха своей миссіонерской тамъ дѣятельности, чтобы вызвать еще большій притокъ доходовъ, которые и безъ того огромны, нежели какой имѣется въ ихъ распоряженіи.

[3]) Обыкновенное названіе православія у латинянъ.

[4]) См. *Сообщ. П. Пр. Пал. Общ.* декабрь 1887 года, стр. 199.

[5]) О томъ, какъ искусно поставлена и обставлена латинская миссіонерская пропаганда и какъ, наоборотъ, худо поставлено дѣло охраненія православія въ Палестинѣ, можно читать въ помянутомъ изслѣдованіи В. Н. Хитрово: „Православіе въ Святой Землѣ“ въ 1 вып. I ч. *Прав. Пал. Сборника.*

женія, обратились непосредственно къ пропагандѣ [1]) и тѣмъ принудили меня немедленно исполнить ихъ просьбы" [2]). И это не удивительно, когда православная патріархія не имѣетъ ни достаточнаго числа школъ для воспитанія православнаго населенія, ни достаточнаго числа лицъ съ образованіемъ для замѣщенія должностей священниковъ и учителей, да и какъ бы не особенно интересуется вопросами пастырскаго душепопеченія, поглощенная вопросомъ и дѣломъ святогробскимъ, болѣе для нея выгоднымъ, нежели дѣятельность пастырская, съ ничтожными отъ нея доходами. Не безъ основанія, безъ сомнѣнія, отмѣчено было однимъ изъ хорошихъ знатоковъ дѣла, что „положеніе армянскаго патріархата въ Іерусалимѣ составляетъ идеалъ, даже не скрываемый, для многихъ изъ святогробскаго Братства. Патріархатъ безъ паствы; доходы тѣ же; расходовъ меньше; корпорація эллинская и уничтоженіе предлога для русскаго вмѣшательства" [3]). Но вѣдь это было бы болѣе чѣмъ грустно; это было бы преступно, если бы это осуществилось на дѣлѣ. Къ удовольствію, не всѣ же члены святогробскаго Братства питаются такими преступными вожделѣніями, и мы знаемъ многіе опыты заботливости и патріарховъ, начиная съ Кирилла II и членовъ святогробскаго Братства о достойномъ и честномъ прохожденіи своего служенія не только по охраненію святыни Гроба Господня, но и по исполненію архипастырскихъ и пастырскихъ обязанностей, хотя племенной антагонизмъ (особенно между греками и арабами), условливаемый вліяніемъ упомянутой несчастной идеи панэллинизма [4]), является часто весьма сильнымъ препятствіемъ къ вполнѣ достойному прохожденію служенія собственно пастырскаго и архипастырскаго въ личномъ составѣ Іерусалимскаго патріархата.

При такомъ, почти безотрадномъ, положеніи православія

---

[1]) Конечно, латинской (Congregatio de propaganda fide).

[2]) См. *Сообщ. И. Пр. Пал. Общ.* т. II, стр. 104. Спб. 1891.

[3]) См. въ упомянутомъ изслѣдованіи В. Н. Хитрово въ 1 вып. I ч. *Прав. Пал. Сб.* стр. 70.

[4]) См. напр. тамъ же на стр. 64 словоизверженія одного изъ зараженныхъ этою идеею, близко стоящаго къ святогробскому Братству корреспондента греческой газеты „Эфимерисъ", и тамъ же на стран. 67 и дал. рѣчь о разладѣ между греческою партіею и туземнымъ (не греческимъ)

въ Палестинѣ, особенно въ виду напора силъ инославной пропаганды (латинской и протестантской), вспомоществуемой силами политическими, гдѣ же православію искать болѣе твердой, нежели какая представляется въ православномъ Іерусалимскомъ патріархатѣ, опоры? Гдѣ искать помощи? Если ея нельзя найти въ незначительной силами по сравненію съ инославной пропагандой, да къ тому же зараженной западными вѣяніями Европейской свободной Греціи, то очевидно ее можно найти только въ единовѣрной Россіи. И Россія какъ съ самыхъ временъ паденія Византійской имперіи, такъ и въ послѣдній періодъ исторіи Іерусалимской церкви православной служила и служитъ истинной опорой православія въ Палестинѣ, оказывала и оказываетъ ему тамъ дѣятельную и безкорыстную помощь, хотя эта помощь Іерусалимскимъ патріархатомъ и не всегда принимаема была (за исключеніемъ денежной) охотно и признаваема была безкорыстною за этотъ послѣдній періодъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, съ какимъ искреннимъ довѣріемъ относились Іерусалимскіе патріархи къ Россіи въ прежнее время, какъ усиленно домогались нравственной поддержки ея, ея вліянія на дѣлѣ востока, предстательства ея предъ Турціею въ пользу православныхъ восточныхъ христіанъ, и наоборотъ, съ какимъ по большей части недовѣріемъ стали они относиться къ ней съ 1840-хъ годовъ, то невольно изумительною представится эта перемѣна, ни чѣмъ другимъ необъяснимая, какъ только упомянутымъ вліяніемъ западныхъ вѣяній, усиливаемымъ поддержкою враждебныхъ православію и Россіи религіозныхъ и политическихъ силъ и агентовъ. Не вдаваясь въ подробности о многочисленныхъ случаяхъ нравственной и матеріальной поддержки, какую Россія со временъ Іоанна Грознаго оказывала востоку православному вообще и Іерусалимскому православному патріархату въ частности, о той массѣ денегъ, какую вывезли изъ Россіи за послѣднія четыре столѣтія православные восточные собиратели милостыни вообще и святогробцы въ частности, не говоря о томъ, сколько денегъ оставили многочисленные русскіе по-

---

нѣселеніемъ Палестины, съ пренебреженіемъ, даже враждебнымъ отношеніемъ первой, какъ господствующей, къ интересамъ послѣдняго.

клонники въ Святой землѣ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и доселѣ, и т. д., мы обратимъ главное вниманіе на отношеніе Россіи къ Іерусалимской православной церкви за послѣдній періодъ исторіи сей послѣдней.

Въ виду увеличенія числа русскихъ поклонниковъ въ святой землѣ (въ 1840-хъ годахъ число ихъ доходило уже до 400 человѣкъ въ годъ, а послѣ стало еще больше [1]), а главное, — въ виду усиленія тамъ инославной пропаганды, Русское правительство, кромѣ упомянутыхъ раньше нотъ въ отвѣтъ на предложенія Прусскаго правительства, въ 1847 году рѣшило назначить и съ своей стороны въ Іерусалимъ, какъ бы въ видѣ своего представительства при Іерусалимскомъ православномъ патріархатѣ, русскую духовную миссію съ архимандритомъ Порфиріемъ (Успенскимъ, скончавшимся въ санѣ епископа въ 1885 г.) во главѣ. Къ сожалѣнію, всеобще господствовавшее тогда въ Россіи бюрократическое направленіе, со всею его канцелярскою формалистикою и процедурою, много повредило успѣху дѣятельности этой миссіи. Прежде всего, самая инструкція, данная миссіи, составлена была лицемъ, очевидно не имѣвшимъ не только практическаго знакомства съ потребностями и условіями жизни въ Палестинѣ, но и просто строгой логики мысли. Такъ, напримѣръ, во второмъ пунктѣ этой инструкціи задачею миссіи поставляется между прочимъ—„преобразовать, мало по малу, само греческое духовенство, возвысить оное въ собственныхъ его глазахъ столько же, сколько и въ глазахъ православной паствы“, и въ 3-мъ пунктѣ: „привлечь къ православію и утвердить въ ономъ тѣ мѣстные народные элементы, которые постоянно колеблются въ своей вѣрѣ, подъ вліяніемъ агентовъ разныхъ исповѣданій и слишкомъ легко отступаютъ отъ православія, вслѣдствіе недовѣрія къ греческому духовенству и неблагоразумнаго поведенія сего послѣдняго“; а между тѣмъ далѣе, въ противорѣчіе сему, миссіи вмѣнялось въ обязанность: „не придавать себѣ инаго характера, кромѣ поклонническаго, не вмѣшиваться ни въ чемъ въ дѣла греческаго духовенства, не вмѣшиваться въ житейскія дѣла нашихъ поклон-

---

[1]) Въ послѣдніе годы, начиная съ 1880-хъ годовъ, оно доходило до 2-хъ и 3-хъ, даже 4-хъ—5-ти тысячъ въ годъ.

никовъ и, вообще, всячески стараться не возбуждать подозрѣній иностранныхъ агентовъ, дабы не подать повода къ толкамъ о какихъ либо скрытыхъ намѣреніяхъ Россіи“ [1]). За тѣмъ, на требованіе миссіею отъ Русскаго правительства денегъ на то или другое, имѣвшее важную долю практическаго значенія, предпріятіе (напр. постройка зданія для миссіи, больницы при ней и под.), правительство отвѣчало затяжкою вопроса о семъ путемъ канцелярскаго дѣлопроизводства года на два, на четыре, и под. Само собою разумѣется, что при такомъ отношеніи къ дѣлу со стороны бюрократическаго правительства всякая охота къ нему пропадала даже въ умномъ, энергическомъ человѣкѣ, какимъ, (при всѣхъ своихъ угловатостяхъ и рѣзкостяхъ), былъ о. Порфирій. А тутъ еще частыя и далеко не всегда пріятныя столкновенія миссіи съ православнымъ Іерусалимскимъ патріархатомъ [2])... Такимъ образомъ много пользы миссія, при такихъ условіяхъ , не принесла, а во время Крымской войны, и возгорѣвшейся какъ извѣстно, изъ-за вопроса о св. мѣстахъ, (именно въ 1854 году) и вовсе отозвана была изъ Іерусалима. Не много больше имѣли успѣха и возобновленныя послѣ Крымской войны въ 1858 году миссіи съ преосв. Кирилломъ Мелитопольскомъ во главѣ (1858—1863) и миссія состоявшая подъ начальствомъ архимандрита Леонида (1863—1865), и лишь послѣ того какъ въ 1865 году миссіею сталъ завѣдывать только что скончавшійся бывшій начальникъ ея архимандритъ Антонинъ († 24 марта 1894 г.) и затѣмъ вступило въ дѣло (съ 1880-хъ годовъ) Императорское Православное Палестинское Общество, положеніе и поклонниковъ русскихъ и самаго православія въ Палестинѣ значительно улучшилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ и значеніе имени Россіи поднялось болѣе прежняго на востокѣ. Не смотря на величайшія и многочисленныя затрудненія и препятствія со стороны не только могометанскихъ властей, иновѣрнаго населенія и представителей иностранныхъ исповѣданій, со стороны другихъ мѣстныхъ особенностей природы и быта, со стороны матеріальныхъ недостат-

[1]) См. у В. Н. Хитрово въ помянутомъ его изслѣдованіи въ 1 вып. 1 т. *Прав. Пал. Сборн.*, стр. 76.

[2]) Срав. *Собр. мнѣн. и отзыв. митр. Моск. Филар.* IV, 457 и т. дополн., стр. 455—459 и 556—562.

ковъ и проч., но и со стороны православныхъ, при томъ не грековъ только, но и самихъ русскихъ (свѣтскихъ представителей Россіи въ Іерусалимѣ и Палестинѣ), достопочтеннѣйшій отецъ архимандритъ Антонинъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ и съ благословеннымъ успѣхомъ боролся съ латинствомъ и протестантствомъ, поддерживалъ и распространялъ православіе, не переставалъ съ самаго начала и до послѣдняго времени, при незначительныхъ въ сравненіи съ латинствомъ и протестанствомъ средствахъ, состязаться съ этими инославными исповѣданіями и въ цѣлесообразномъ устройствѣ школъ православныхъ и другихъ богоугодныхъ и благотворительныхъ учрежденій и въ пріобрѣтеніи для Россіи тѣхъ или иныхъ, болѣе или менѣе важныхъ въ томъ или въ другомъ отношеніи земельныхъ участковъ въ Палестинѣ, и т. д. Земельное владѣніе и русская школа въ Бейтъ-Джалѣ, таковое же владѣніе и женская монашеская русская община въ Горней, мѣсто у дуба Мамврійскаго съ русскими на немъ постройками и другія многія пріобрѣтенія, а еще того болѣе пріобрѣтеніе и усиленіе нравственнаго вліянія русскаго имени въ Палестинѣ суть несомнѣнныя и великія заслуги отца Антонина. Конечно, если Россія и православіе съ утѣшеніемъ все это и подобное могли видѣть, то главнымъ образомъ благодаря тому, что имѣли въ Палестинѣ такого человѣка, каковъ былъ отецъ Антонинъ, который и по отличному знанію греческаго языка и мѣстныхъ нарѣчій и по личнымъ высокимъ достоинствамъ и способностямъ, къ тому же изощреннымъ долговременнымъ опытомъ (съ 1850 г.) пребыванія и трудовъ на востокѣ, наиболѣе пригоденъ былъ къ занятію своего важнаго поста. Однако нельзя же было отнять способностей, пониманія дѣла и проч. и у его предшественниковъ; но многое ли сдѣлано до того? Если что и дѣлалось тогда, то парализовалось часто, не говоря о святогробскомъ Братствѣ и чуждыхъ православію стихіяхъ, вліяніемъ, даже противодѣйствіемъ своихъ же (свѣтскихъ).

А все это къ чему же приводитъ?—Къ признанію необходимости вожделѣннаго единодушія и единомыслія всѣхъ православныхъ — и восточныхъ и русскихъ — во имя *православія*, всѣмъ намъ дорогаго. Что въ 1866 году за годъ до своей кончины, говорилъ въ Бозѣ почившій свя-

титель Филаретъ, митрополитъ Московскій, обращая слово къ находившимся тогда во взаимной распрѣ православнымъ грекамъ и балгарамъ, а именно [1]): „возлюбленные соправославные братія, еллины и болгары, не ослабляйте себя и другъ друга ослабленіемъ единства; укрѣпляйте себя охраненіемъ единства: не давайте вашимъ раздѣленіемъ случая чуждымъ расхищать ваше духовное стадо; равно да чтятъ общее священноначаліе, еллинъ и болгаръ; равно да печется общее священноначаліе о еллинѣ и болгарѣ“: то же самое, ближе всего, примѣнимо къ мѣстному православному священноначалію и населенію Палестины, какъ мы уже замѣчали, далеко не вполнѣ согласно живущему (особенно греки и арабы), а затѣмъ—и къ призванному дѣйствовать тамъ русскому—духовному и свѣтскому представительству. Только дружное и согласное дѣйствованіе и мѣстныхъ и русскихъ стихій представительства православія можетъ служить твердою опорою православія въ Палестинѣ и надежною защитою его отъ нападеній волковъ въ овечьей шкурѣ и только тогда не только съ полнымъ правомъ, но и съ подобающею силою противовѣса можетъ сказать православіе въ Палестинѣ этимъ волкамъ: *κάτω, λύκοι*! [2]) (прочь, волки!), вмѣсто неправильно присвоеннаго себѣ латинянами названія: *католики* (*καθολικός*—вселенскій, —названіе, болѣе приличествующее, согласно вышесказанному, православнымъ, нежели римскимъ католикамъ). И это еще пока возможно. Ибо ни латинскій патріархъ Іерусалимскій, не смотря на неоднократныя его попытки, ни тѣмъ болѣе другіе высшіе представители инославныхъ церквей въ Іерусалимѣ еще не признаны въ качествѣ таковыхъ Турецкимъ правительствомъ, а признается высшимъ духовнымъ представителемъ христіанъ тамошнихъ оффиціально только одинъ православный Іерусалимскій патріархъ, какъ исконный и законный хозяинъ святыхъ мѣстъ. Дѣйствовать должно пока есть время и возможность, и дѣйствовать дружно, соединенными силами противъ многочисленнаго воинства при-

---

[1]) См. *Собр. мнѣній и отзывовъ митр. Моск. Филарета по дѣламъ востока*, стр. 363.

[2]) Такъ на востокѣ греки парафразируютъ названіе: „католики“, усвояемое себѣ латинянами. См. о. архим. Леонида (Кавелина) *Старый Іерусалимъ и его окрестности*, стр. 179. Москва, 1873.

шлыхъ недруговъ православія. *Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Псал. 132, 1). И не забудемъ, что въ православной церкви *нѣсть еллинъ, ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и скиѳъ, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11; срав. Римл. 10, 12; Галат. 3, 28 и др.). Тогда въ торжествѣ православія и будетъ заключаться истинная слава, истинный блескъ древней восточной церкви.

Ив. Корсунскій.

Оттискъ изъ №№ 3, 6 и 8 Богосл. Вѣстника за 1894 г.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи Архимандритъ Антоній.

2-я типографія А. И. Снегиревой, въ Сергіевомъ Посадѣ М. г.

